

Ланиус Андрей

**Мистические истории
из красной папки**

16+

Ланиус Андрей
Мистические истории
из красной папки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66257652

SelfPub; 2023

Аннотация

Хотите верьте, хотите нет, а происшествие это самое что ни на есть подлинное... Дань уважения фантасту Виктору Колупаеву.

Содержание

Валун-мститель	14
Африка в Северной	23
Остров любви	30
Красная капель	39
Медная пепельница	44
СВЕЧКА	51
Садовник	62
Начальник полустанка	69
«Не тревожьте мой покой...»	82
Соринка в глазу	89
Загадка старой дороги	97
Ночная поездка на паровозе	110
Петля времени в проходном дворе	120
Белый спелеолог	127
История на ночь	132
Фантомас	137
История, рассказанная одним африканцем	162

Ланиус Андрей

Мистические истории из красной папки

От автора.

Когда-то мне довелось немало поколесить по стране, встречаться с самыми разными людьми. В те годы у меня выработалась привычка кратко записывать наиболее интересные из услышанных историй на отдельных листках, а те вкладывать в картонную папку малинового цвета. Папка эта постепенно пухла, так что ее тесемки уже едва сходились. Затем какое-то время эти наброски лежали без движения, а позднее и вовсе исчезли куда-то. Я уже и вспоминать о них перестал.

И вот совсем недавно, раскрыв пылившийся на антресолях футляр из-под выброшенной за ненадобностью пишущей машинки, я обнаружил внутри, к своему немалому удивлению, среди других бумаг и ту самую, малиновую папку.

Перелистывая пожелтевшие страницы, я подумал о том, что некоторые из намеченных сюжетов могут заинтересовать и современного читателя.

**«Черный квадрат»
и его тайна**

Минувшим летом у меня гостил мой добрый старый знакомый из провинции, большой поклонник изобразительного искусства.

Вдвоем мы обошли все памятные места Северной Пальмиры.

Побывали и в Русском музее, куда, признаться, я давненько уже не заглядывал.

Некоторые залы мой спутник проходил, не замедляя шага, иные полотна окидывал рассеянным взглядом, у других застывал на продолжительное время.

Особенно долго он изучал картину Казимира Малевича «Черный супрематический квадрат».

Невольно его избирательный интерес отложился в моей памяти.

Позднее, когда мы покинули музей и направились в сторону Инженерного замка, я все же полюбопытствовал, чем именно вызваны его предпочтения.

Его ответ прозвучал неожиданно:

– Испытывал на прочность свою теорию относительно того таинственного воздействия, которое это полотно оказывает на многих творческих людей.

– Ясно, – кивнул я. – Первозданный мрак, потаенные глубины мироздания, конец старого искусства, беззвездная мгла над Россией...

– Вовсе нет, – отмахнулся он. – Никакой мистики. Моя

теория – вполне прагматического свойства...

И тут же, безо всяких настояний с моей стороны, он развернул передо мной эту свою теорию.

Должен признаться, что я лично далек от тех дискуссий, что вот уже без малого целый век ведутся вокруг самого знаменитого творения Малевича. Но кое-что о «Черном квадрате» читать доводилось. И восторженные восхваления, и язвительную критику.

Однако те выводы, о которых поведал мне мой друг, были для меня совершенно внове.

Вот почему, поразмыслив позднее о нашей беседе, я отважился все же положить ее на бумагу, хотя бы в самых общих чертах.

– Как известно, к моменту создания «Черного квадрата» Малевич был далеко не юноша, – приступил к рассказу мой приятель. – Кисть он впервые взял в руки в 11 лет. А в конце 1915 года, когда этот холст экспонировался на футуристической выставке, ему уже перевалило за 36.

То есть, за плечами была четверть века творческого стажа, сотни полотен, эскизов, рисунков, набросков, причем, в разных жанрах и стилях.

Вдобавок, обладая полемическим даром, он писал статьи и манифесты, выступал с докладами о новых веяниях в искусстве, о своем видении творческого процесса.

В определенных кругах его имя уже пользовалось известностью, но в целом художник Малевич оставался «одним из

равных».

Многое изменилось после «Черного квадрата».

Публика была столь шокирована небывалой дерзостью живописца, что пересудов об этом акте эпатажа хватило надолго.

Прошло не так много времени, и Малевич стал европейской знаменитостью, а затем и мировой. Теперь он был уже не «одним из равных», а небожителем, гуру, учителем с большой буквы.

Именно благодаря успеху «Черного квадрата».

Кстати говоря, новая власть не слишком-то его и зажимала, напротив, периодически выдвигала на различные руководящие посты.

Даже в 20-30-е годы, когда советских художников, как и их полотна, выпускали за границу с немалым скрипом, у него состоялись выставки в Западной Европе – Берлине, Вене и, кажется, в Цюрихе.

Правда, с начала 20-х он сам надолго отложил кисть в сторону, увлекшись теоретическими работами, но в конце того же десятилетия снова обратился к живописи.

Теперь он больше трудился в реалистической манере.

Некоторые работы этого периода хорошо известны: тот же «Автопортрет», который называют творческим завещанием мастера потомкам.

Но всё равно, ни одно из последних полотен не могло и в малой степени сравниться по успеху с «Черным квадра-

том»...

Тут я не удержался от реплики:

– Спасибо, что напомнил о фактах биографии Малевича. Но в чем же тайна, в разгадке которой ты преуспел, простояв четверть часа у полотна?

– Доберемся и до тайны, – успокоил он меня. – Должен отметить, – продолжал мой спутник, – что Малевич отнюдь не являлся первооткрывателем самой идеи «Черного квадрата».

Аналогичный по замыслу сюжет лет за двадцать до него воплотил на полотне француз Альфонс Алле – писатель, журналист, сатирик, художник, склонный к эксцентрике и абсурдистским выходкам.

Одна из его работ изображала тоже черный, только не квадрат, а прямоугольник.

Назывался этот, с позволения сказать, шедевр «Битва негров в глубокой пещере темной ночью».

Он экспонировался на выставке «Отвязанное искусство», кажется, в 1893 году.

Но и Алле, кажется, позаимствовал саму идею у кого-то из своих соотечественников.

– Между прочим, Малевич мог и не знать о предшественнике, – заметил я.

– Может и так, – кивнул мой приятель. – Ведь Альфонс Алле изначально задумывал свою галерею, как некую пародию на только-только входившую в моду эпатажность. Тут

прикол, анекдот, хохма без каких-либо претензий на мировую славу. А пародии и хохмы, даже самые блестящие, как правило, сиюминутны. Сегодня они у всех на устах, а завтра, глядишь, о них уже забыли.

Но, перефразируя Наполеона: от смешного до великого – один шаг.

И этот шаг удалось сделать Малевичу.

Хотя его поклонники и утверждают, что художник вынашивал замысел «Черного квадрата» в течение пяти лет, а затем еще напряженно работал над полотном всё лето и всю осень, но, полагаю, тут мы имеем дело с очередным историческим мифом.

Лично я склоняюсь к другой версии, которая тоже имеет широкое хождение.

Малевич писал к выставке совсем другую картину, но, поняв, что не успеваает к сроку, попросту закрасил ее, под влиянием внезапного порыва, черной краской.

Вот так и родилась на свет «лучшая картина 20-го столетия».

Сам Малевич, похоже, не возлагал на этот холст особых надежд, считал его проходным, делал наспех, ничуть не заботясь о сохранности «на века». В результате уже всего-то через 14 лет, в 1929 году, один из администраторов Третьяковки обратился к художнику с просьбой написать копию «Черного квадрата», ввиду скверного состояния подлинника.

– То есть, успех «Черного квадрата» был всего лишь неча-

янным подарком судьбы? – уточнил я.

– Да, благодаря редчайшему стечению обстоятельств, всё как-то очень точно сошлось в едином фокусе. Тревожная обстановка в стране и мире, общественный интерес к принципиально новым веяниям в живописи, «красный угол» в зале для «Черного квадрата», само «роковое» название полотна, экзальтированный интерес к нему со стороны «продвинутой» критики и прессы... Словом, сошлись все пять элементов, необходимых для успеха.

Признаться, я испытал легкое разочарование:

– Стечение обстоятельств? Так это и есть твоя тайна «Черного квадрата»?

– Погоди, еще не вечер...

– Я не отношусь ни к восторженным почитателям, ни к яростным хулителям «Черного квадрата», – снова заговорил мой спутник. – Однако же следует признать, что это полотно отмечено особой печатью судьбы.

Разве мало было в истории искусства эпатажных вещей, переживших шумную славу, а затем канувших в небытие?

Но геометрический рисунок Малевича и поныне, почти через век после его создания, не утратил своего загадочного магнетизма.

Он признан не только бунтарями от искусства, но и мастерами академической школы, по крайней мере, какой-то ее частью.

Почему же творческие натуры находят в этом изображе-

нии, выполненном в максимально упрощенном стиле, проще уж некуда, некие многомерные глубины?

Вот и я озадачился поисками внятного ответа, и постепенно пришел к неожиданным для себя выводам...

Тут мой приятель выдержал должную паузу, после чего продолжал:

– Талантливым натурам, как правило, свойственно здоровое честолюбие, стремление к творческому успеху, к славе.

Да иначе было бы и странно.

В самом деле, художник ли, писатель, композитор, архитектор, создавая что-то новое, всегда надеется на то, что его детище заставит говорить и спорить о себе.

Увы, слава – дамочка своевольная, капризная и, вдобавок, коварная.

Она может обойти десятой дорогой того, кто, вроде бы, вполне ее достоин, кто трудится на своей творческой ниве как пчелка.

И напротив, слава может обласкать беспечного гуляку.

Перечитайте, не торопясь, историю «дружбы» Моцарта и Сальери, там кое-что об этом сказано.

– Да, но какое отношение к этим рассуждениям имеет «Черный квадрат»? – спросил мой друг и сам же ответил:

– «Черный квадрат» – это материализованное воплощение нежданного и стремительного успеха, причем достигнутого крайне экономными, доступными средствами, без чрезмерного напряжения сил и в сжатые сроки!

Мировая слава картины стала сюрпризом и для самого Малевича, но когда это случилось, он создал еще три копии, отличающиеся рисунком, фактурой, цветом и размерами.

Кстати, то полотно, что мы видели в Русском музее, это второй вариант, самый большой по размеру, написан в 1923 году. Оригинал и третье повторение хранятся в Третьяковке, а четвертое – в Эрмитаже. Причем, тот холст, что висит в Русском музее, создавался Малевичем не самостоятельно, а при деятельном участии его учеников.

– Для копирования этой картины потребовалась помощь учеников? – удивился я.

– Возможно, ему, как Учителю, хотелось приобщить своих питомцев к собственной славе...

Мы немного прошли молча.

– Иными словами, ты полагаешь, – заговорил я, – что «Черный квадрат» – это своего рода «паровоз», посланный свыше, который вывез Малевича в особый мир, где царят признанные классики, и туда же доставил все его предыдущие и последующие работы?

– «Паровоз»? Может быть... – подумав, он добавил: – Уверен, что всякий (или почти всякий) честолюбивый художник, пребывающий в обидной для него тени, мечтает написать свой «Черный квадрат». Вот смотрит такой непризнанный гений на всю эту «геометрию» и думает про себя: «А почему бы и мне не найти какой-нибудь неожиданный и, вместе с тем, простой и сильный ход? Ведь удалось же Ма-

левичу!»

И эта мысль придает художнику силы в его отчаянной борьбе за право быть услышанным.

Да, «Черный квадрат» – это воплощение, но только не космического мрака, не вселенского зла, не конца искусства и уж точно не беззвездной мглы над Россией. Это, если угодно, символ надежды, побуждающей талантливую личность к поиску новых путей в избранной сфере деятельности.

В этом и заключается тайна позитивного воздействия на одаренных людей «простого геометрического рисунка»!

Пока мы шли до Инженерного замка, я размышлял, соглашаться ли мне с доводами моего приятеля, либо же пуститься с ним в казуистический спор.

Но, вспомнив, что он – мой гость, счел за благо попросту деликатно переменить тему.

Валун-мститель

Если ехать от забайкальского города Дарасун по старой лесовозной трассе в сторону большой деревни Дровяная, то примерно на середине пути, неподалеку от перевала через хребет Черского, можно увидеть примечательное место, с которым связана одна загадочная история.

Трасса на этом участке опоясывает крутую и высокую сопку, на макушке которой растут могучие лиственницы и амурские сосны, а склон усеян валунами размером с корпус среднего танка.

По другую руку от трассы, под невысоким обрывом, раскинулось клочковатое болото, стиснутое по периметру другими сопками, которые в этом краю словно нахлобучены друг на дружку.

Величественный и, вместе с тем, рядовой забайкальский пейзаж.

Но валун, что поднимается среди этого болота, особенный. Он обращает на себя внимание всех, кто проезжает мимо. Сотни, тысячи таких же валунов покоятся плашмя. А этот стоит вертикально, подобно некоему урбанистическому каменному яйцу, наводя на мысль о памятнике-надгробье. В сущности, так оно и есть.

На рубеже 70-х годов прошлого века, после известных со-

бытий на острове Даманский, началось укрепление советско-китайской границы, в том числе в забайкальском регионе.

Ряд крупных объектов обороны возводилось в районе таежной деревни Дровяная. Трудились здесь не только военные, но и гражданские специалисты: монтажники, наладчики, водители... Зарплату им привозили прямо на просеку. Так было принято. Характерно, что машина с кассиром передвигалась по малолюдной трассе фактически без охраны. Только водитель и кассир.

Так вот, в одной крупной строймонтажной организации наступил день зарплаты.

Кассира ждали около четырех. Но его всё не было. В половину шестого на просеке, у вагончика-конторы, собрался практически весь коллектив.

Около шести часов за поворотом послышался долгожданный гул уазика, а именно уазик начальника участка и был послан в Дарасун за кассиром. Водителем был молодой парень по имени Сергей – человек надежный, ответственный и добрый. Такой не подведет.

Вот машина вылетела из-за поворота. Уазик и есть. Только другой, медицинской службы. Он находился в распоряжении военврача, психолога по специальности, Владимира Михеева, который, между прочим, сам нередко садился за руль.

Уазик подлетел к конторе. Михеев выбрался наружу и

молча осмотрел собравшихся. По его лицу было ясно, что случилась беда.

Вот что рассказал Михеев.

Сергея он встретил около полудня на выезде из Дарасуна. Тот сказал, что денег сегодня не будет, поскольку неправильно оформили платежные документы (подобное случалось и прежде). Поэтому он, Сергей, возвращается на базу, увы, без кассира. Деньги обещали послезавтра.

На том и расстались. Военврач уладил свои дела и около половины четвертого отправился в обратный путь. Подъезжая к болоту перед перевалом, он вдруг почувал неясную тревогу. Осмотрелся. И заметил колею, ведущую к обрыву. Остановил машину у обочины и спустился к болоту.

Надо сказать, что забайкальские болота ничуть не напоминают бездонные трясины Северо-Запада. Здесь это, как правило, неглубокий слой жижи с ягодными кочками, лежащий на вечной мерзлоте. Солнце прогревает воздух до 40 градусов, а ручейки в болотистой низине текут по ледяному ложу!

И вот за одним из таких болотных ручейков, в тени буйного кустарника, Михеев увидел опрокинутый уазик и лежащего на спине с раскинутыми руками Сергея.

Бросился к парню – тот уже не подавал признаков жизни.

Было ясно, что, слетев с трассы, машина кувыркалась. Очевидно, водителя выбросило наружу при последнем кульбите. На лбу у Сергея зияла глубокая рана – след от удара

монтировкой, которая валялась рядом.

Сама по себе рана не была смертельной. Очевидно, она лишь оглушила парня. Умер же он от переохлаждения, поскольку пролежал несколько часов в ледяной воде. Нетрудно было установить, сколько именно. Стрелки на разбитых часах Сергея остановились в 14-00. Нашел же его Михеев около пяти.

В перевернутом уазике врач увидел кусок рогожи, которым и накрыл труп. Затем выбрался на трассу и остановил встречную, попросив водителя передать записку первому же сотруднику ГАИ. А сам помчался на базу.

Сообщив о трагедии, Михеев добавил, что считает своим долгом вернуться к месту аварии, чтобы дождаться появления милиционеров, ибо тут несомненное преступление.

Далее события развивались так.

Гаишники прибыли к месту аварии поздно вечером. Сделали необходимые замеры, выслушали показания военврача. Уже в темноте осмотрели лежавший на боку уазик. Сошлись во мнении, что тут типичное ДТП, характерное для таежных трасс.

Машину решили оставить на месте до утра – сейчас не было подходящего троса. Не стали поднимать наверх и труп: пусть, мол, утром его осмотрит судмедэксперт. Мол, за ночь ничего не случится. Темень – ни зги не видно! Огородили нехорошее место полосатой лентой и разъехались.

А утром трупа на месте не оказалось. Исчез. Причем, со

стороны трассы сюда не вело никаких новых следов. Все полосатые ленты остались в неприкосновенности. Милиционеры валили на топтыгина, который, якобы, мог придти со стороны сопки. Рогожа, между прочим, тоже исчезла.

Вскоре прошел слух, что на болоте объявился призрак. Сам в рогоже – замороженной насквозь. Лица, понятно, не видать, лишь голубые глаза просвечивают сквозь рогожу и обжигают таким холодом, что сердце заходится. Призрака сразу же прозвали «ледяным человеком».

Рассказывали, что призрак является некоторым водителям среди ясного дня. Возникнет вдруг посреди дороги и стоит не шелохнувшись. Водители в панике тормозят. Призрак с минуту глядит на них, а после исчезает. А бедняг до самого вечера бьет озноб. Не столько от страха, сколько от пронизывающего холода. Один водитель попытался газануть, но его нога сама утопила тормоз. Призрак погрозил ему рукой с разбитыми часами и исчез.

Выходит, это Серега?

В автоколонне заговорили, что парень стал жертвой подлого злодейства. Кто-то затаился на грузовике в стороне от трассы, пропустил вперед уазик, затем нагнал его и сшиб в болото. Кто-то свой, поскольку знал весь распорядок движения. Он же, боясь разоблачения, разбил Сергею голову монтировкой. Затем полез за деньгами, а там – шиш! А теперь, стало быть, Сергей явился с того света и поджидает своего убийцу на трассе, чтобы поквитаться с ним.

Между тем, доктор Михеев начал собственное расследование.

Факты он собирал без лишнего шума, не торопясь. Но круг подозреваемых постепенно сужался. Наконец, после очередного просеивания в сите остался единственный кандидат – некий Валентин Ж., 30-летний франтоватый красавчик, ни в чем предосудительном прежде не замеченный.

Но вот что настораживало. Ни разу после аварии Ж. не проехал по дарасунской трассе, хотя до этого работал в основном на ней. Назавтра после трагедии он встал на ремонт. Затем упросил начальника перевести его на читинскую ветку перевозок, хотя и терял при этом в заработке. Спустя какое-то время начальник снова перевел его на дарасунский маршрут (что было самым обычным делом). Но Ж. снова встал на ремонт, а вдобавок, как выяснилось, подал заявление об увольнении.

Да, твердых доказательств вины Ж. у Михеева не было. И тогда военврач решил провести психологический эксперимент.

Время от времени Михеев ездил по делам службы то в Читту, то в Дарасун. Иногда в этих поездках ему требовался помощник с водительскими правами. Обычно на эту роль всегда соглашался кто-нибудь из гражданских водителей, чья машина находилась в ремонте.

Сейчас Михеев обратился к Ж., сказав, что ехать надо в Читту. Тот охотно согласился.

Выехали после полудня. За руль сел сам Михеев. Только выехав за ворота гаража, он объявил, что планы изменились и ехать нужно в Дарасун. Валентин недобро блеснул глазами, но промолчал.

По дороге Михеев затеял разговор об аварии на болоте, не подавая даже виду, что подозревает Ж.. Тот отвечал односложно и постоянно нервничал.

К болоту подъехали без пяти два, как и намечал военврач. За последние полчаса им не встретилось ни одной машины. Это был «мертвый час», продиктованный условиями погрузки-разгрузки. Идеальное время для дорожного убийства!

Михеев притормозил у той отметки, откуда узик скатился вниз.

– Тебе не кажется, Валентин... – начал он, но договорить не успел.

– Всё вынюхиваешь, доктор?! – злобно усмехнулся его попутчик. – Ну, так слушай правду-матку! Да, это я порешил Серегу! Он узнал меня, вот и пришлось добить! Эх, а ведь проще простого было взять эти денежки! Но кто же знал, что банк подложит такую свинью?! – взгляд его наполнился безумным огнем, в правой руке появился молоток: – Ладно, доктор! Напрасно ты сунул нос в эту историю! Думаю, твой труп обнаружат еще не скоро... А я уже буду далеко. Спасибо за машину! – он замахнулся молотком.

Однако Михеев, владевший навыками боевого единоборства, был готов и к такому повороту событий. Рядом с сиде-

ньем он припас обрезок трубы и сейчас выставил его перед собой, готовясь к схватке.

Вдруг на дороге произошло какое-то движение.

Оба инстинктивно повернули головы.

В десяти шагах от машины стоял он, ледяной человек, накрытый, как панцирем, замороженной насквозь рогожей. От него исходило ощущение вечного холода. (А солнце светило жарко, небо было ослепительно голубым.)

Убийца затих, выронил молоток, затем медленно, будто лунатик, выбрался из машины и двинулся, едва переступая, к призраку, как бы подчиняясь его мысленному приказу.

Призрак стоял в грозном ожидании. Затем сделал неуловимое движение.

Ж. остановился.

Откуда-то сверху послышался шум. С самой макушки сопки скатывался гигантский продолговатый валун, совершая из-за своей неправильной формы жуткие скачки то в одну, то в другую сторону. Вот валун оторвался от склона и буквально завис над дорогой. Казалось, он раздавит сейчас машину всмятку, но Михеев почему-то не испытывал страха.

Внезапно на убийце появилась рогожа, накрыв его с головой. А следом всей своей массой на него обрушился валун. Сбил с ног, прокатился, как каток, затем, совершив еще один прыжок с обрыва, ускакал к середине болота, остановившись на том самом месте, где погиб Сергей. Причем, застыл валун не плашмя, а вертикально – в виде природного обелиска. А

призрак исчез так же мгновенно, как и появился.

На непослушных ногах Михеев приблизился к рогоже. По ее сплющенной форме было ясно, что медицина тут бессильна.

Рассказывать по горячим следам о ледяном призраке Михеев не стал, опасаясь, что его самого пошлют к психиатру. Лаконично обрисовал ситуацию, исключив из нее всякую мистику. Дескать, у него возникли подозрения относительно роли Валентина Ж. В результате тот, мол, признался в убийстве Сергея и пытался показать на местности, как всё происходило. И тут с сопки сорвался валун. Случай...

Лишь спустя много лет, уже выйдя в отставку, Михеев поведал эту историю во всех ее подробностях наиболее близким своим друзьям. Не требуя с ним обета молчания.

Он добавил также, что, по его сведениям, ледяной призрак и поныне появляется на трассе. Возникает он, как правило, перед водителями, у которых на совести есть черные пятна. Призрак внушает этим людям мысль загладить свою вину каким-нибудь добрым поступком.

Что ж, иногда карает и высший суд. По крайней мере, в это хочется верить.

Африка в Северной

Пальмире-2003

Хотя наши умеренные широты и не избалованы солнцем, но исключения все-таки бывают.

Вот и в тот год лето в Питере выдалось на редкость жарким. Да что там жарким, знойным! Прямо-таки африканским. Да еще без осадков.

Выпадали такие денечки, когда птицы отказывались летать, асфальт плавился под ногами, а раскаленный воздух над реками и каналами струился и дрожал, превращая строгие очертания набережных в зыбкие миражи.

Всё живое искало спасения от этого неистового пекла.

По выходным город и вовсе словно вымирал. Иную улицу можно было пройти из конца в конец, не встретив ни единого прохожего.

В один из таких дней, притом в час самого палящего зноя, неотложные дела вынудили меня предпринять некое пешее путешествие. Часть моего маршрута пролегла по набережной Обводного канала – от Московского проспекта в сторону Балтийского вокзала.

Обманчивая близость водной артерии, отделенной от тротуара широкой мостовой, ни на йоту не приносила облегчения. Слишком много камня и асфальта было наворочено

вдоль его русла, этой стоячей воды, забывшей, что такое шум проливного дождя.

По левую руку от меня тянулась капитальная, с арочными чугунными вставками, высоченная заводская ограда, желтая, как пески Сахары.

А впереди, в какой-то сотне метров, над тротуаром, по-прежнему безлюдным, нависала кирпичная громада Дома культуры. Сквозь толщу здания вел пешеходный тоннель, длинный и сумрачный, нагонявший обычно чувство смутного беспокойства. Но сейчас его полутемные недра казались мне спасительным оазисом, где хотя бы ненадолго можно укрыться от жгучих лучей.

Помнится, в тот момент я вяло размышлял о том, что привычное название «Северная Пальмира» (а также «Северная Венеция», «Северная столица», «Северная жемчужина» и др.) звучит на таком солнцепеке, по меньшей мере, иронично. В глубинах подсознания трепыхалось более подходящее для такой ситуации определение, но ухватить его «за жабры» никак не удавалось. По причине все той же одурманивающей жары.

Подняв глаза, я увидел, что навстречу мне со стороны тоннеля движется молодой высокий негр в светлом летнем костюме.

Что ж, встретить представителя темнокожей расы на питерской улице – не в диковинку. А по такой «африканской» жаре в этом чудилась даже некая символика.

Удивительно было другое.

Слишком уж неожиданно он появился. Будто материализовался из воздуха. Через тоннель он не проходил, это точно. Иначе я давно заметил бы его.

За шаг до меня он остановился и вежливо поздоровался.

Кивнув в ответ, я поинтересовался у парня:

– Ну и как Северная Пальмира, припекает?

В ответ он вскинул большой палец и на вполне сносном русском осведомился, той ли дорогой идет к метро.

Я объяснил ему, где надо свернуть.

Он поблагодарил и двинулся дальше.

Тигель, вдруг понял я! Сегодня наш мегаполис следует уподобить огромному тиглю, этакой гигантской плавильне.

Повернувшись, чтобы продолжить путь, я вдруг увидел рядом с собой трех молодых негров в джинсах и просторных цветастых рубашках. Они оживленно о чем-то спорили, энергично размахивая руками.

Но ведь еще две-три секунды назад их не было на улице! Подобно фантомам, они тоже возникли из ниоткуда!

Парни прошли мимо, будто и не заметив меня.

Я посмотрел им вслед, и меня охватило предчувствие, что сейчас произойдет нечто невероятное, небывалое, экстраординарное. Вот сейчас, через мгновенье...

И точно, я вдруг обнаружил, что нахожусь внутри пестрой, шумной, говорливой толпы африканцев! Молодые мужчины и женщины всех оттенков темной кожи – от эбонитово-

го до бледно-сиреневого, все курчавые; одни в строгих деловых костюмах, другие в теннисках и джинсах, третьи в ярких национальных одеждах заполнили уже весь тротуар и продолжали прибывать невесть откуда!

А где-то поблизости выбивал приглушенную дробь тамтам...

Уж не стал ли я жертвой галлюцинаций, спровоцированных неистойвой солнечной активностью?

Но нет, вокруг меня были не фантомы, а живые люди. Я различал капельки пота на лицах. Похоже, африканцам тоже не сладко в такую жару. Среди девушек было немало хороших. Их неподражаемая природная грация говорила сама за себя. Одни носили короткую прическу, другие, напротив, щеголяли множеством тоненьких, искусно заплетенных косичек...

Из толпы меня не то чтобы не замечали, но определенно не удивлялись моему присутствию, хотя сейчас я был единственным «бледнолицым братом» в этой среде.

А над Обводным каналом, над Варшавским мостом вибрировало и переливалось горячее марево, размывая контуры прилегающих зданий, придавая им нездешний облик.

Мне чудились дворцы в мавританском стиле, пальмы, барханы, верблюды... Всё громче звучал тамтам... По дороге промчался красный автомобиль спортивного типа с откинутым верхом. За рулем сидела блондинка шоколадного цвета, а с заднего сидения на меня тарашился крупный зеленый

крокодил...

Да что же это происходит?!

Мне внезапно вспомнился роман американского фантаста Джека Финнея «Меж двух времен», читанный еще в юности.

Там главный персонаж переносится в другую эпоху не в результате какого-либо уникального научного проекта, не с помощью пресловутой «машины времени», а исключительно усилием воли, «вживанием» в определенные обстоятельства.

Может, и со мной случилось нечто подобное? Может, я тоже перенесся, только не во времени, а в пространстве? Телепортировался в один из уголков «черного континента»? Или же, напротив, этот уголок чудесным образом сам перенесся сюда, к нам в Питер?

Эту сумасшедшую мысль тут же подкрепило еще одно воспоминание.

За несколько лет до этого, тоже летом, в августе, здесь же, в районе Балтийского вокзала, я уже переживал состояние «стрессового переноса».

Хорошо помню, как в тот день я шел к вокзалу от улицы Циолковского.

Когда открылся вид на печально известную улицу Шкапина, я, признаюсь, испытал шок. Ибо там шла война! Окна в домах были крест-накрест заклеены бумагой, повсюду громоздились кучи мусора и битого кирпича, а между «ежами» из сваренных рельсов перебежали автоматчики в гитлеровской форме. Да как же такое возможно?!

Впрочем, в тот раз всё быстро разъяснилось.

На Шкапина немецкие киношники снимали эпизоды фильма «Бункер» о последних днях Третьего рейха. В своей благополучной Европе подходящего городского пейзажа для военных сцен они не нашли, а в Северной Пальмире – пожалуйста!

Они-то и создали масштабные уличные декорации, пригласили в массовку несколько тысяч статистов.

Да, но сейчас-то, на Обводном канале, никакого кино не снималось!

Едва я вошел в пешеходный тоннель, куда не проникало коварное солнечное излучение, как «чары» начали рассеиваться. Слева от тоннеля располагался вход в дворик здания, откуда, собственно, и вытекала толпа. Там же красовался рекламный щит с объявлением, извещавшим о собрании землячества.

Итак, это было традиционное мероприятие, момент окончания которого чудесным образом совпал с определенной фазой моего маршрута. Дворик сам по себе узковат, при том, что обзору препятствовала высоченная заводская ограда. Оттого и создавалась иллюзия, будто народ возникает из ниоткуда. Звуки, похожие на дробь тамтама, могли доноситься из расположенной неподалеку автомастерской. Пальмы и барханы – оптический обман. Ну, а зеленый крокодил в красном автомобиле был, надо полагать, надувным, резиновым, и мчался, очевидно, со своей белой, но дочерна за-

горевшей хозяйкой к какому-нибудь водоему...

Всё находило свое реальное, логичное объяснение. Как и прежде, с «войной» на улице Шкапина.

Но всё ли?

А как же предчувствие того, что вот-вот свершится нечто необычное?

И вообще, не слишком ли много сошлось совпадений?

Такое впечатление, что кто-то направлял события по заранее подготовленному сценарию.

Но зачем, с какой целью?

Я и поныне не могу избавиться от ощущения, что на какое-то неуловимое мгновение передо мной открылась дверца на ту «кухню», где таинственный «повар» стряпает разного рода парадоксы.

Открылась и снова захлопнулась.

Остров любви

Не дарите один и тот же подарок дважды

Два немолодых уже приятеля, давно не видавшихся, от-мечали встречу в кафе.

Один желчно жаловался второму на жизнь: это не так, то не этак... Хорошо бы сбежать на какой-нибудь необитаемый остров, где тебя никто не найдет!

При последних словах слушатель невпопад улыбнулся.

– Ты чего? – готов был уже обидеться жалобщик.

– Да вот вспомнилось вдруг... – успокоил его тот. – У меня ведь когда-то был собственный необитаемый остров! Остров, на котором я провел несколько самых счастливых часов в моей жизни.

– У тебя? Остров?

– Именно! Вот послушай... – роль рассказчика незаметно перешла ко второму.

Как-то раз, еще в пору моей прорабской молодости, я был направлен в длительную командировку на важный стратегический объект под древним таджикским городом Ходжен-том, который в те времена назывался Ленинабадом. Места там сказочные, климат великолепный, фрукты и дыни дешевы, а восточная экзотика и вовсе даром. Одно было плохо

– маловато европейского населения, а еще меньше – свободных женщин. Между тем, меня ничуть не привлекала перспектива коротать вечера в одиночестве.

Но вот очень скоро я сделал для себя ценное открытие.

Оказалось, что в считанных километрах от Ходжента находился еще один город – Кайраккум, имевший статус курортного. Этот небольшой, но уютный, очень зеленый городок располагался на берегу огромного водохранилища, заполненного водами Сырдарьи.

Представь себе голубую водную гладь, вытянувшуюся в длину на добрую сотню километров! Да и ширина ее была солидной: противоположный берег терялся в голубоватой дымке. Словом, местные жители имели все основания называть этот водоем морем, и я с ними вполне солидарен.

Сразу же за городом, на одном из участков побережья, тянулась целая цепочка домов отдыха и турбаз, куда по профсоюзным путевкам приезжали отдыхающие со всех уголков единой тогда страны. В том числе и женщины – молодые, красивые, свободные. Они сами сгорали от желания закрутить курортный роман.

И вот с некоторых пор, как только выдавался свободный часок, я мчался на своем прорабском уазике на пляж. Сначала устраивал заплыв с нырянием, а после лежал на рассыпчатом белом песке, разглядывая красоток в смелых купальниках и выжидая, когда же появится та единственная, от которой я не смогу отвести глаз.

Здесь надо сказать и о том, что рядом с пляжем имелась небольшая бухточка, где выдавали напрокат водные велосипеды и катамараны, и откуда 2-3 прогулочных катера возили туристов в «морские» круизы...

Вышло так, что в первые же дни я волей случая свел знакомство с капитаном одного из катеров – Володей, моим ровесником. Он обмолвился вскользь, что у него проблема с машинным маслом для двигателя – тогда это был страшный дефицит. На следующий вечер я привез ему гостинец – пару канистр с маслом, после чего обрел в лице Володи надежного друга.

Вскоре он сделал ответный ход, устроив для меня обзорную экскурсию по всему прилегающему фарватеру водохранилища, а затем бросил якорь у небольшого песчаного островка, находившегося примерно посерединке между продольными берегами этого рукотворного моря. Люди на пляже казались отсюда маленькими точками. Противоположный берег был и вовсе безлюдным. Размером островок не превышал теннисный корт, а над водой возвышался едва ли на ладонь-полторы. Здесь не росло ни травинки. Тем не менее, это был реальный остров.

Володя доверительно объяснил мне, что ни он, ни его коллеги-капитаны туристов сюда не возят. Этот островок экипажи держат для себя. Собираются здесь иногда все вместе, с подругами, ставят катера на якорь и расслабляются немного. Но это – в конце сезона, когда наплыв отдыхающих иссякает

и появляется свободное время. А сейчас некогда, сплошная запарка. Островок свободен до конца лета, и если у меня появится желание, я могу воспользоваться его уединенностью. Он, Володя, готов в любое время доставить меня сюда вместе с моей подругой. Только надо предупредить заранее.

И вот буквально на следующий день появилась она, единственная. Это была молодая, необыкновенно привлекательная шатенка из Новгорода. Сейчас я уже не помню всех обстоятельств нашего знакомства, да и черты ее лица стерлись из памяти, но вот ее улыбку вижу как живую. И ее глаза – глубокие, зеленые, колдовские.

Не хочу произносить цветастых фраз, поэтому скажу коротко: это была неодолимая взаимная приязнь, лишь усилившаяся после первого сближения.

Наутро я спросил ее:

“Хочешь, сделаю тебе сказочный подарок?”

“Какая женщина откажется от сказочного подарка!” – улыбнулась она.

“Я подарю тебе остров. Остров Любви!”

“Остров? – удивилась она. – Остров – да еще Любви – мне никогда не дарили. Конечно, хочу!”

В ближайший выходной, около полудня, Володя отвез нас на остров и оставил там до вечера. Разумеется, накануне я приготовился, как положено. Припас тент, одеяла, сухое вино, фрукты, замариновал шашлыки... Мы купались голыми, бегали, хохоча, друг за дружкой, катались, обнявшись,

по песку, танцевали под «Спидолу»... Было ощущение безграничной внутренней свободы, абсолютной раскованности, полного слияния с природой, словом, чего-то такого, что весьма редко посещает нас в обыденной жизни, и о чем мы неосознанно тоскуем. На этом раскаленно-влажном песке, среди водной глади, в которой отражались снежные вершины Гиссаро-Алая и белесое азиатское небо, я был совершенно счастлив. И она, как мне кажется, тоже. Мы утратили всякое представление о времени. И немало удивились, когда вблизи обрисовался катер Володи. Как, уже вечер?!

Еще не раз моя зеленоглазая благодарила меня за этот сказочный подарок – Остров Любви.

Но всё хорошее имеет обыкновение заканчиваться. Истек срок ее путевки. Билет на самолет был куплен заранее. Дома ждал муж.

Я до сих пор уверен: скажи я тогда – «останься!», она осталась бы. Но я так и не решился.

Я сам отвез ее в аэропорт.

Перед выходом на посадку она пристально взглянула мне в глаза и тихо произнесла:

«Милый, мы с тобой больше никогда не увидимся в этой жизни. Вспоминай иногда обо мне. И живи, как тебе хочется. Если завтра у тебя появится новая женщина, пусть так и будет. Наверное, ты ее тоже повезешь на наш остров. Вези. Прошу только об одном: не дари один подарок дважды... – тут она как-то загадочно улыбнулась: – Впрочем, у тебя и не

получится. Даже если захочешь. Ведь я колдунья, и этот остров теперь заколдован...»

Мы слились в прощальном поцелуе.

... Через пару-тройку дней на вечернем пляже мне встрети­лась стройная брюнетка из Ростова. Чего скрывать – за­крутился новый курортный роман. Но ему недоставало ка­ких-то возбуждающих токов. И тогда я, невзирая на предо­стережение моей зеленоглазой колдуньи, а может, и вопреки ему, легкомысленно решил повторить прежний сценарий.

“Хочешь, подарю тебе остров? Остров Любви!”

“Ой, хочу, хочу!” – запрыгала брюнетка.

Однако тут, как нарочно, к нам на объект нагрянула ко­миссия, и началась запарка. Теперь я был занят даже по ве­черам, не говоря уже о воскресеньях. К тому же пришлось поставить на ремонт машину. Брюнетка регулярно приезжа­ла ко мне в гостиницу, но о поездке на Остров Любви пока не могло быть и речи. И всё же я не терял надежды, ведь лето было в самом разгаре.

Но вот, наконец, появилась возможность передохнуть. Как по заказу, вышел из ремонта мой уазик. В первый же свободный денек я помчался к морю. На заднем сидении ле­жали те же одеяла, тот же тент, такой же набор продуктов, та же емкость с маринованным мясом, та же «Спидола»...

“Интересно, – размышлял я, руля по главной улице город­ка, – какие такие неожиданности могут помешать мне бро­сить Остров Любви к хорошеньким ножкам новой любовни-

цы? Притом, что я совершенно не верю в колдовство, магию и прочую ересь...”

Я выехал на дамбу, с которой открывался вид на водохранилище, и... От увиденного по моей коже пробежал мороз, несмотря на то, что асфальт в тот день плавился от неистового зноя. Нога сама утопила педаль тормоза. Мне даже почудился где-то рядом серебристый смех моей зеленоглазой колдуньи...

– Что же ты увидел? – подался к рассказчику слушатель, забывший на миг о своих бедах.

– Правильнее спросить, чего я не увидел? А не увидел я моря! Его не было! Оно исчезло, ужавшись до размеров реки! Ушедшая вода обнажила обширные участки суши грязноватого оттенка. Острова Любви уже не существовало! Он слился с десятками других песчаных бугорков. А катер капитана Володи, в ряду других катеров, стоял на приколе у самого дальнего причала бухточки, превратившейся в большую лужу.

– Ты хочешь сказать, что она действительно была... колдуньей?

– Каждая женщина немножечко колдунья.

– Нич-чего себе, немножечко! Да тут же целое море!

Рассказчик усмехнулся:

– Море, но рукотворное. То есть, регулируемое. В ту пору чуть не все равнинные земли Средней Азии засеивались хлопчатником. А эта культура нуждается в поливах. Вдобавок,

лето выдалось на редкость засушливым... И вот воду, накопленную в природной чаше, пустили на плантации. А поскольку основная площадь водного зеркала лежала над мелководьем, то сразу же обнажились весьма обширные участки дна. И вправду, создавалось впечатление, что море куда-то улетучилось.

– Хм! Пусть так. Но каким образом о предстоящем сбросе воды узнала твоя зеленоглазая?

– Она ведь общалась с персоналом дома отдыха. А там вся обслуга из местных. А уж местные про воду всегда знают всё – почти у каждого свой поливной огородик и сад. Моя колдунья умела привораживать окружающих, вот с ней и делились самыми важными новостями.

– А почему твой Володя тебя не предупредил? Он-то, наверняка, знал!

– Я же объяснил, что у нас была запарка, и Володю я не видел в течение двух недель. Притом, он мог считать, что я осведомлен о столь важном событии в жизни целого региона. А я не знал. Голова была занята другим.

– Всё равно не пойму, как всё это могло так точно совпасть!

– Уж тут-то без колдовства явно не обошлось, – лукаво сощурился рассказчик. – Но до чего же красиво она напомнила о себе! Ах, какая умница! – он поднял свой бокал: – Давай же выпьем за обаятельных, проницательных, изобретательных и артистичных женщин!

Беседа потекла уже по новому руслу, и жалобных речей более не звучало за столом до самого вечера.

Красная капель

Это жутковатое ночное происшествие приключилось в разгар минувшего лета с моим добрым знакомым Олегом Борисовичем, когда вся его семья находилась на даче, а сам он в единственном числе оставался в городской квартире, чтобы закончить ремонт одной из комнат.

Прежде, чем рассказать о пережитых страхах, Олег Борисович поставил одно условие: если мне вздумается вдруг открыть когда-либо эту историю читателям, то я не должен называть ни его фамилии, ни точного адреса. А то ведь засмеют, добавил он с некоторым смущением. Хотя, если честно, ему лично в ту ночь было совсем не до смеха.

Я заверил своего впечатлительного друга, что он может быть совершенно спокоен на сей счет.

И тогда он поведал мне следующее.

В тот поздний час Олег Борисович долго ворочался с боку на боку, не в силах заснуть. А не надо было смотреть на ночь по телевизору фильм ужасов с вампирами и оборотнями, укорял он себя. Вот нервы и расшалились.

Наконец, веки начали тяжелеть. Еще немного, и...

И тут его уплывающий слух уловил едва различимые размеренные звуки. Где-то капало. Из кухонного крана? Не должно. Прежде чем лечь, он дотошно проверил, всё ли в

доме выключено и закрыто. Но ведь капает! Вот досада! Всю неделю он трудился, как бобик. Отдыхал урывками. Надеялся хоть сегодня отоспаться по-человечески. И вот тебе сюрприз.

Олег Борисович встал и, натыкаясь в темноте на сдвинутую мебель, выбрался в прихожую, тоже загроможденную вещами, вынесенными из второй комнаты. Включив свет, заглянул в ванную. Полный порядок.

Щелкнув выключателем, прошел на кухню. И тут по его коже пробежал озноб.

Нет, из крана-то не капало. Однако на свежеразкрашенном, но уже просохшем подоконнике расплылась зловещая розовато-рубиновая лужица.

Черт побери, откуда она взялась?! Ведь когда он отправлялся спать, ничего подобного не было и в помине.

Олег Борисович повертел головой. Потолок девственно чист. Стены тоже. На оконной раме ни пятнышка. Так откуда же капель? И почему она прекратилась, едва он включил свет?

Он замер, прислушиваясь, и на миг ему показалось, что где-то далеко-далеко, в толще дома-гиганта прозвучал тихий издевательский смех.

Олег Борисович распахнул правую половину окна и по пояс высунулся наружу. Шесть этажей вниз и пять – вверх. Гладкая вертикаль стены, из которой выступают телеантенны, прилаженные к каждому второму-третьему окну. Кстати

говоря, у него за кухонным окном тоже имелась компактная антенна для подключения к переносному телевизору. Ни ветерка. На высоченных тополях не шевелится ни один листочек. Время – третий час ночи. Такой же дом-гигант за дорогой тоже спит. Лишь в редких окнах горит свет. Откуда же взялась рубиновая лужица?

Олег Борисович взял тряпку, вытер подоконник досуха и вернулся в постель, рассудив, что утро вечера мудренее. С полминуты он размышлял о природе таинственного пятна и как-то незаметно для себя заснул.

И приснился ему кошмарный сон: вампир терзал несчастную жертву, кровь которой, капля за каплей, собиралась в лужицу на его кухонном подоконнике.

Олег Борисович вздрогнул и проснулся.

Из кухни явственно доносилась ритмичная дробь падающих капель.

– Да нет же, я сплю, – пробормотал Олег Борисович и повернулся на левый бок.

Но в таком положении капель стала еще слышнее.

Он зажег ночник и взглянул на часы. Прошло всего несколько минут с того мгновенья, как он заснул. Вставать не хотелось. Сердце стучало гулко-гулко. Но что делать! Он поднялся и на ватных ногах снова отправился на кухню.

Рубиновая лужица красовалась на том же месте, что и прежде. Как будто он и не вытирал ее тряпкой.

Олег Борисович дернул себя за ухо, как бы надеясь

проснуться. Нет, лужица не исчезла. Да что же это творится такое?!

И тут прямо на его глазах в лужицу влетела свежая капля.

Олег Борисович совершенно отчетливо видел ее на завершающем отрезке траектории и слышал звук, с которым она вошла в родственную среду. Но откуда, черт возьми, она появилась, уразуметь он по-прежнему не мог. Рубиновая капля словно выпрыгнула из ниоткуда. Из ночи. Из густого мрака, что царил за окном. Может, открытая форточка преобразилась в некую дверцу из параллельного мира?

Было в этом что-то настолько жуткое, что у Олега Борисовича закружилось в голове.

Однако же, собравшись с духом, он подошел к окну и снова распахнул правую створку окна. Посмотрел вниз, затем направо-налево. Ничего. Выкрутив шею, он бросил взгляд вверх.

Там, тремя этажами выше, из стены выступал силуэт огромной темной головы с чудовищными клыками, торчавшими по обе ее стороны. Клыки энергично шевелились! Голова что-то грызла, громко урча, чавкая и роняя вниз – одну за другой – тяжелые капли. Одна из капель угодила Олегу Борисовичу точно в глаз! Он едва сдержал крик, ощутив, как вязкая влага обволакивает зрачок.

В этот момент голова крякнула, затем произнесла: “Ну и жара! Вам тоже не спится, сосед?”

Олег Борисович резко отпрянул от окна и бросился к ра-

ковине, чтобы промыть глаз. Затем устало опустился на табурет и перевел дыхание.

Ночное наваждение рассеялось, загадок более не существовало. Просто произошло редкостное совпадение целого ряда обстоятельств.

Один из верхних соседей, высунувшись из окна, ел арбуз. (Существует категория людей, которые любят подкрепиться даже среди ночи.) В условиях недостаточной освещенности контур большого ломтя арбуза, выступая за силуэт головы с пышной прической, создавал впечатление движущихся клыков.

Арбуз, надо полагать, попался соседу сочный.

Капельки с него попадали точнехонько на рожок кухонной телеантенны Олега Борисовича и рикошетом запрыгивали через открытую форточку на подоконник, собираясь в лужицу. Нарочно такую траекторию не смоделируешь, хоть тресни, а вот из вредности она легко сложилась сама собой. Надо полагать, сосед не ограничился одним ломтем. В тот промежуток времени, когда он отходил от окна за добавкой, капель прекращалась.

Олег Борисович развернул рожки антенны под другим углом, затем досуха вытер подоконник, смочил виски холодной водой и со спокойной совестью отправился досыпать.

Медная пепельница

Леонид Воронин, симпатичный русоволосый холостяк, на праздновании собственного тридцатилетия торжественно объявил своим гостям, что, начиная с текущей минуты, бросает курить. Навсегда. С этими словами он демонстративно погасил тлеющий окурочок в медной пепельнице, что стояла перед ним на столе, и, сопровождаемый шутками и рукоплесканиями собравшихся, унес ту на кухню.

Все гости Воронина знали, что пепельница эта непростая. Ее подарили Леониду еще на его двадцатилетие друзья-однокурсники. Нашли же ее во время летней практики при разборе предназначенного к сносу старого здания. Медная пепельница являла собой голову дьявола – с хищным крючковатым носом, глубокими глазницами, заостренными ушами, козлиной бородкой и изящными рожками. В загадочной ухмылке, обнажавшей крупные крепкие зубы, читалась смесь изошренного коварства, затаенной злобы и тысячелетней умудренности.

Видимо, старинная медь имела неизвестные современным мастерам добавки, ибо за все те годы, что пепельница находилась у Леонида, металл ничуть не потускнел, сохраняя ровный красновато-золотистый отлив.

Малейший отблеск света, падавший на пепельницу,

странным образом оживлял физиономию дьявола. Казалось, тот вот-вот заговорит. Это впечатление усилилось, когда одна из подружек Воронина, дурачась, раскрасила дьяволу зрачки лаком для ногтей. Раскрасила – и сама же испугалась. Рубиновый взор проникал прямо в душу.

Пепельница приснилась Леониду под утро.

– Задумал обойтись без меня? – насмешливо вопрошал дьявол. – Не выйдет! Я тебя не отпущу!

Впечатление было настолько ярким, что Леонид проснулся.

Пепельница стояла перед ним на тумбочке, хотя, помнится, он оставлял ее на кухне.

– Слушай внимательно, ставленник темных сил! – не ступшевался Воронин. – Если я сказал, что бросаю курить, значит, бросаю! Исчезни с моих глаз! – и он поставил пепельницу на шкаф, среди коробок и пакетов.

В вагоне метро Леонид вдруг почувствовал, что из глубины тоннеля за ним пристально следят кроваво-красные глаза, уверенные в собственном превосходстве.

Он передернулся, сбрасывая наваждение.

Рабочий день в целом прошел нормально. Иногда рука Леонида машинально тянулась к карману за несуществующей сигаретой, но он легко пресекал эти нечаянные порывы. Курение никогда не было для него потребностью, скорее, данью моде. Но он и понятия не имел, что его будет так настойчиво преследовать образ медной пепельницы. Ухмыля-

ющийся дьявол то и дело являлся его внутреннему взору.

Но всё это ничто по сравнению с той досадой, которую испытал Леонид по возвращении домой, обнаружив, что медная пепельница как ни в чем не бывало расположилась на привычном месте.

– Мама! – закричал Леонид.

– Что случилось? – из кухни выглянула Вера Васильевна – не только мама, но и самый близкий друг, советчик и утешитель.

– Мама, зачем ты поставила пепельницу обратно? Я же всем объявил, что бросаю курить!

– Ах, Леня, по каким пустякам ты меня отвлекаешь, а у меня котлеты горят! Иди лучше умывайся, – уже из-за двери Вера Васильевна добавила: – А к твоему идолу я даже не прикасалась, ты же знаешь, как он мне противен!

Мама, мама... Она стала такой рассеянной!

Перед тем, как идти в ванную, он сунул пепельницу в нижний ящик трюмо, стоявшего в прихожей.

Готовясь ко сну, он бросил случайный взгляд на тумбочку и обомлел. Оттуда ему нахально улыбался медный дьявол.

Вера Васильевна уже спала, и расспросы пришлось отложить до утра. Однако Леонид не собирался терпеть присутствие наглой фигуры. Он отнес пепельницу на кухню, выставил ее за окно и плотно прикрыл дверь.

Едва он смежил веки, как дьявол-искуситель снова возник перед ним. В изгибе тонких губ таилась издевка:

– Тебе ли сладить со мной, малыш?! Я знавал парней покруче. Но и они становились шелковыми.

Леонид бросился на кухню. Медный дьявол стоял на полу у самой двери. Должно быть, порыв ветра распахнул окно и сбросил пепельницу на пол.

Ах, так! Ну, ладно...

Взбудораженный Леонид схватил идола, выскочил с ним на балкон и, размахнувшись, зашвырнул искусителя в темные кусты.

Всю ночь его терзали кошмары. Снилось, что пепельница добралась до подъезда, преодолела лестничные марши и сейчас топчется у закрытой двери. Казалось, что он слышит сквозь сон ее легкое постукивание: тук-тук-тук... А может, это капает вода из крана? Или птицы долбят клювами по крыше? Тук-тук-тук...

Первое, что увидел Леонид проснувшись, был медный дьявол, победно оседлавший тумбочку.

– Мама!

Вера Васильевна тут же прибежала с кухни:

– Как ты меня напугал, Леонид! Разве можно так кричать? Я еще не глухая.

– Прости, мама, но... – он молча кивнул на пепельницу.

– И ты из-за этого кричишь на весь дом? Люди подумают невесть что! Я выносила мусор, а твоя любимая пепельница стояла за дверью. Что же мне оставалось?

Умываясь, он нашел более или менее правдоподобное

объяснение. Про эту пепельницу, единственную в своем роде, знали все соседи. Вероятно, кто-то из них, прогуливая спозаранку собаку, наткнулся на нее в кустах и деликатно поставил у дверей владельца.

После завтрака Леонид достал с антресолей старый чемодан, затолкал желтого дьявола внутрь, затем запер оба замка на ключ, перевязал чемодан веревкой и забросил его снова наверх – в самый дальний угол.

Больше пепельница на тумбочке не появлялась. Зато теперь она прочно поселилась в его сознании. Ежеминутно навязчивое видение напоминало о себе.

– Не устал еще? – змеились тонкие уста. – Пока я не вернусь на свое законное место, пытка будет продолжена. Не в моих правилах отступать, запомни это!

Много раз Леонида одолевало искушение отделаться от пепельницы раз и навсегда: подарить кому-нибудь, бросить в Неву, зашвырнуть на платформу товарняка, катящего в дальние края... Он так и поступил бы, если бы ясно не осознавал, что это не избавит его от наваждения. Дьявол всё равно будет посылать ему свой сигнал и возникать в мыслях, когда захочет. А затем, рано или поздно, неизвестными путями вернется на привычное место.

Леонид стал нервным, допускал ошибки в работе, проезжал мимо своей станции...

Существовал очень простой способ избавиться от наваждения: снова закурить. Но Леонид знал, что в этом случае

перестанет себя уважать. Его воля трещала под напором бесовских сил, но он снова и снова собирал ее в кулак, хотя делать это становилось всё труднее.

Решение пришло неожиданно. Оно было удивительно простым. Леонид даже рассмеялся, когда понял это. А, рассмеявшись, успокоился.

Но сначала нужно было кое-что проверить.

Он достал пепельницу из чемодана и водрузил ее на тумбочку. Дьявол ликовал. Красные лакированные зрачки праздновали победу. Не рановато ли?

Леонид поднял ножовку, которую перед этим разыскал в чулане. При виде инструмента в облике искуителя что-то изменилось. То ли свет теперь падал с другой стороны, то ли тумбочка качнулась, но рубиновые глаза наполнились тревогой.

Леонид крепко прижал пепельницу левой рукой к тумбочке, явственно ощутив холодную дрожь дьявола. Затем с нажимом провел ножовкой по одному из его рожек.

Послышался легкий стон. На медной поверхности четко обозначился пропил.

– Ага, боишься...

Леонид отложил ножовку и обратился к идолу с проникновенной речью:

– Послушай, любезный! Я не желаю тебе зла. К тому же ты – подарок. Вот мои условия. Всякий раз, когда ко мне будут приходиться курящие гости, я обязуюсь предоставлять те-

бе свой уголок за столом. Я также обязуюсь содержать тебя в чистоте. Но за это ты обязуешься оставить меня в покое. Ты должен исчезнуть из моих мыслей и снов и не вторгаться в них впредь самовольно. В противном случае я попросту распилю тебя на мелкие кусочки, которые разбросаю по всему городу. Попробуй после этого собраться воедино! Я не шучу и готов начать хоть сейчас! – он снова взялся за ножовку. – Что скажешь? Заключаем договор?

Черт торопливо закивал.

Ночью Леонид спал спокойно. И в последующие ночи тоже. И он долго еще не курил. Целых три месяца.

СВЕЧКА

Человек, рассказавший мне этот сюжет, обладал ярко выраженным природным актерским даром, хотя не имел никакого отношения к театру. Свой монолог, а по сути – маленький спектакль, он представлял передо мной в лицах с такой естественностью, как будто всю жизнь только тем и занимался, что выступал перед зрителями.

Покоренный его экспрессией, я и сам в какой-то момент поверил, что эта фантазмагорическая и, вместе с тем, поучительная история произошла на самом деле...

Было около половины двенадцатого ночи, когда забрызганный грязью джип остановился на выезде из леса, подступавшего к безлюдной, скудно освещенной платформе. Левее от нее дремал деревянный пригородный поселок. Похоже, спать здесь ложились рано, лишь в двух-трех местах бледно светились окошки.

Человек, сидевший за рулем джипа, прислушался к чему-то, затем дал задний ход, намереваясь загнать машину в заросли кустов.

Внезапно мотор завыл от перегрузки.

– Ну-ка, глянь, что там! – приказным голосом обратился водитель к своему единственному спутнику. – Да живее!

Тот выскочил из салона, провёл под днищем лучом фона-

рика.

– Эй, да здесь мокро! Какой-то ржавый трос намотался на ось...

– Ржавый, говоришь? – водитель переключил скорость и дал газ, определенно не жалея автомобиля.

– Лопнул, как нитка! – крикнул второй.

– Не ори ты так, недоумок...

Водитель всё же загнал джип в кустарник, затем выбрался наружу:

– Слушай меня внимательно, малый! Инструктирую в последний раз! Сделаешь что-нибудь не так, останешься тебе без головы...

Пора уже сообщить, что оба поздних путника принадлежали к касте «джентльменов удачи» и прибыли сюда с недоброй целью, воспользовавшись ими же угнанной иномаркой.

Главарем был обладатель командного голоса: высокий, ладный, белокурый, с тонкими, даже артистическими чертами смуглого лица и тигриной грацией.

В криминальной среде его называли Калган.

Второй – коренастый, толстогубый, кривоногий, словно наспех слепленный матушкой-природой, был его подручным. Он с готовностью откликнулся на прозвище Грузило, а на главаря смотрел снизу вверх и отнюдь не по причине своего небольшого росточка.

– Как я и думал, в этой дыре к полуночи все уже дрыхнут без задних ног, – Калган презрительно сплевывал слова, буд-

то семечки, в сторону своего спутника. – Что ж, прямо сейчас и начнем! Но обернуться надо быстро. Ровно в полночь пройдет последняя электричка. Нужно успеть до нее.

– Как скажешь, Калган, – раболепно ответил тот. – Ты ведь – сам голова!

– Вот и делай всё в точности, как тебе говорят! Маски наденем у калитки. Я втолкую старухе наши условия, а ты тем временем снимешь икону, на которую я укажу, и завернешь ее в платок. После этого возвращаемся сюда. Главное, чтобы нас не увидели с последней электрички. Не люблю я непредвиденных случайностей! Потому и машину спрятал в кустах.

– Калганчик, а ты уже нашел покупателя на эту иконку?

– Козел! Кто же ее купит?! Побоятся. Она ведь чудотворная. Если старуха, конечно, не врет. Впрочем, это уже не важно.

– Не понял. Какая же тогда нам от нее польза?

– Мы берем икону в заложники, – изрек главарь. – Спрячем в надежном месте. И будем ждать выкупа.

– А дадут?

– Куда денутся! Верующих страдальцев, с которых эта бабка – божий одуванчик имеет навар, пруд пруди! Богатейшие люди к ней так и прут. Кто с покаянием, кто за исцелением. Вот они-то и внесут выкуп.

– Ох, и голова у тебя, Калган! Я бы до такого ни в жизнь не допёр! Слушай, а если эта бабка Ульяна, к которой мы топаем, и вправду ясновидящая? Вдруг уже знает про нас с

тобой?

– Дурак ты, Грузило, и не лечишься! – усмехнулся главарь. – Всё, на что способны все эти ворожеи, гадалки, ясновидцы – пускать пыль в глаза! Вот и эта старушка – бабушка Ульяна – всего-навсего малограмотная знахарка, изображающая народную целительницу! А для приворота клиентуры пустила слух, будто владеет чудотворной иконой. Вот на этой ее хитрости мы и сорвем свой куш!

– Ну, Калган, ты – голова-а... – уже в который раз восхитился подельник. – А сам-то ее видел? Знахарку эту, да и иконку тоже?

– А то! Приходил к ворожее под видом обманутого банкира. Мол, утешения ищу. Надо же было узнать, какая из икон чудотворная. Ими там у нее вся стена увешана. Бабка в полном смысле – божий одуванчик: дунь – улетит! Поэтому вырубать ее нельзя. Вдруг помрет, с кого тогда выкуп получим? Связывать ее тоже не будем. Бабка принципиально не пользуется ни электричеством, ни телефоном. Так что быстро поднять тревогу не сможет.

– А соседи?

– Пока она достучится до этих сонных тетерь, мы с тобой будем далеко.

Скромный домик, в котором обитала знахарка, стоял на отшибе. Деревянное строение в три окна по фасаду, низенький палисад с распахнутой настежь калиткой, крылечко под навесом, покатая двускатная крыша из дранки... Окна све-

тились, но не электрическим светом.

– Начали! – подал команду Калган.

Грабители надели припасенные заранее маски оборотней.

Крыльцо под ногами заскрипело, но они уже не таились.

Шедший первым главарь толкнул дверь – та легко подалась.

Злоумышленники прошли через темные сени, сбив какое-то ведро, загремевшее на весь дом, толкнули вторую дверь, тоже незапертую, и ворвались в комнату – низенькую, почти без обстановки, с нависавшими потолочными балками.

Вся дальняя стена была увешана иконами. Перед некоторыми горели лампы и свечи. На золоченых и серебристых окладах отражались таинственные блики. Святые угодники, чьи лица, казалось, светятся сами по себе, смотрели на незваных гостей с грозной укоризной.

– Ух, ты! – не сдержал эмоций простодушный Грузило.

Приглушенное великолепие икон помешало грабителям сразу заметить хозяйку, хотя та стояла совсем рядом. Маленькая, заметно сгорбленная знахарка была одета в такие же старые, как она сама, темные одежды, сливавшиеся с окружающим полумраком. Ее голова была повязана тоже темным платком. На виду оставалось лишь бледное лицо – узкое и сухое, с заострившимся носом и огромными бездонными глазами. Но было в этом лице что-то значительное, ставившее ее в один ряд с ликами святых.

– Здорово, хозяйка! – весело гаркнул главарь, ничуть не утративший своего апломба. – Не ждала поздних гостей? А

мы вот решили зайти к тебе на огонек. Да попросить за наше беспокойство скромную награду. Вон сколько у тебя икон! Пожертвуй хоть одну в пользу бедных!

Ворожея даже не шелохнулась. Но лампы вспыхнули чуть ярче. А может, это ветерок впорхнул через оставшиеся открытыми двери?

– Ты приходил на прошлой неделе, – ровным голосом произнесла бабушка Ульяна. – Я знала, что ты вернешься. Злое дело ты задумал, несчастный человек! Откажись от него. Уйди с миром и тогда спасешься.

Калган расхохотался от души.

– Уйду, бабуля! Но только не с пустыми руками. Заметь, сам я ни к чему даже пальцем не прикоснусь. Так что твое проклятье пролетает мимо. Он возьмет! – Калган подтолкнул подручного вперед: – Вон ту снимай, да живей!

Грузило послушно двинулся за добычей.

– Не делай этого! – повторила знахарка со спокойной непреклонностью, по-прежнему обращаясь только к Калгану и даже не взглянув в сторону Грузила. – Еще не поздно отказаться. Не будет поздно до последней минуты. Но если не одумаешься – простишься с жизнью. Не он, а ты!

Грузило невольно замер у стены, растерянно уставившись на главаря.

– Снимай! – рыкнул на него Калган, затем снова повернулся к знахарке: – Хочу тебе сообщить, бабуля, что лично я не верю ни в бога, ни в черта, ни в конец света, ни в веч-

ное спасение, ни в болтовню мошенников, прикидывающихся святошами! А верю только в звон монет, которых мне почему-то вечно не хватает. Но эту проблему на ближайшее время я решу. С помощью вот этой самой иконки, старуха! Ты за нее особо не переживай, получишь назад в целости и сохранности. Если заплатишь выкуп. Тряхни своей мошной! Кстати, где ты ее держишь? Не под кроватью же?

– У меня ничего нет, – ответила знахарка. – У людей, что приходят ко мне, я прошу ровно столько, сколько требуется на содержание этой обители. Ты и сам должен это знать.

– Ну, конечно! Ты же у нас святая! – хохотнул Калган. – Впрочем, мне без разницы, как ты ведешь свой знахарский бизнес. Но я знаю точно, что среди твоих клиентов полно богатеньких Буратино. Выкуп пусть заплатят они! Так им и передай! Готово? – последний вопрос адресовался Грузиле.

Тот уже снял икону и сейчас суетливо заворачивал ее в платок.

В этот момент пламя одной из свечек вдруг резко вспыхнуло, озарив полкомнаты. Затем свечка качнулась и упала, погаснув.

Знахарка некоторое время смотрела на нее, затем перевела взгляд на Калгана.

Голос ее звучал с величавой торжественностью:

– А погибнешь ты от свечки. Страшной смертью. Сегодня. Ровно в полночь. Но еще и сейчас не поздно спастись. Вели ему повесить икону на место, а сам покайся! Возвращайся в

город на электричке. Сообщи, куда следует, о машине, которую ты угнал! Это – последнее предостережение!

– Старая ведьма! – расвирепел вдруг Калган. – Свечкой меня вздумала пугать! Скажи спасибо, что ты нужна мне для выкупа! На! Держи метку! Здесь нарисована цифра, которую я хочу получить не позднее конца недели. И запомни крепко: не будет шуршащих баксов, останешься без своей фальшивой чудотворной!

Далеко за лесом послышался перестук вагонных колес.

– Как раз успеваем, – заметил главарь, широко шагая по тропинке.

– Ну, Калган, ты – голова-а... – продолжал восторгаться Грузило, поспешая следом и прижимая к груди добычу. – Всё рассчитал! Как в аптеке!

– Ведьма... – отрывисто бросил тот, отвечая каким-то своим мыслям. – Свечкой меня вздумала пугать! Да я в своей жизни ни одной свечки в руках не держал! И не собираюсь! На пушку меня решила взять, старая плутовка!

– Послушай, Калган, а как она узнала, что мы приехали на краденной машине?

– Заткнись!

Между тем, тропинка привела нечистую парочку к оставленному в кустах джипу.

– Скоро полночь, – пролепетал Грузило, меняясь в лице. – Послушай, Калган, а вдруг она правду сказала?

– Садись в тачку, тепло! – бросил ему главарь. – Еще

один верующий выискался!

Калган завел мотор и, газанув, выехал из зарослей на открытое место. – Ну, вот, – крикнул он, и в этот момент двигатель заглох.

Чертыхаясь, главарь выбрался наружу и поднял капот.

– Калган... – ежась, будто от мороза, окликнул его Грузило. – Чего там старуха про свечи говорила? А ведь в моторе тоже есть свечи...

– Уймись! – нервничая всё заметнее, осадил поделщика Калган. – Фары лучше выключи! Электричка подходит, а мы как на ладони!

До полуночи оставалось несколько секунд.

Грузило потянулся к переключателю.

Чуть раньше осторожный Калган двинулся было под защиту густой тени кустарника.

Но тут что-то произошло. Широкая и огромная светлая полоса прочертила дугу со стороны леса, с грозным шорохом улегшись параллельно джипу. Но в своем движении дальний кончик этой полосы успел коснуться Калгана. Страшное превращение мгновенно произошло с матерым рецидивистом: его голова вдруг утратила первоначальную форму. Затем то, что осталось от Калгана, качнулось и рухнуло в какую-то странную лужу. Странную – ибо дождей не было больше двух недель.

Полуночная электричка давно умчалась, а коротышка всё сидел на корточках, прижимая к груди завернутую в платок

икону, смотрел на обезображенный труп своего главаря и повторял как заведенный:

– Ох, и голова у тебя, Калган... Ох, и голова-а...

В таком состоянии его и застал полицейский наряд. Грудило чистосердечно рассказал о том, как они похитили чудотворную икону, и что из этого получилось.

Днем провели расследование с участием экспертов.

Оказалось, что когда-то через околицу поселка проходило ответвление высоковольтной линии на ферму. Ферму давно уже закрыли, провода сняли и только старые столбы так и остались стоять.

Позднее рядом с одним из них пробился теплый ключ.

Столб «поплыл» в разжиженной почве, удерживаемый в вертикальном положении лишь железобетонными ригелями и проржавевшим насквозь тросом.

В поселке эту опору называли «танцующей» и обходили ее стороной.

Грабители этого не знали.

Газуя в темноте, Калган по чистой случайности порвал джипом трос, отчего освободившийся от нижних пут столб начал крениться еще круче.

В тот самый момент, когда главарь отступал к кустам, железобетонный 19-метровый столб окончательно вывернулся из почвы и улегся в заросли, «чиркнув» при падении грабителя по черепу.

Происшествие заметил один из пассажиров электрички,

который тут же позвонил по мобильнику в службу спасения.

Прибывшие в поселок МЧС-овцы вышли на связь с полицией.

Так или иначе, чудотворная икона вернулась на место. Бабушка Ульяна от дачи показаний под протокол отказалась. Лишь сообщила коротко, что к ней пришли двое мужчин и силой забрали икону. В глазах одного из них она прочитала дыхание близкой смерти, избежать которую можно было покаянием. Но грешник не захотел каяться.

Среди жителей поселка вся эта история быстро обросла самыми невероятными подробностями. Кое-кто утверждал, что бабушка Ульяна силой своего дара вынудила грабителей оставить машину именно у «танцующего» столба. Ну, а дальше – цепочка удивительных совпадений.

Так или иначе, предсказание сбылось до мелочей.

Возмездие свершилось ровно в полночь!

Но причем здесь «свечка», спросите вы?

Да притом, что у монтажников и электриков бетонные столбы так и называются – «свечками»!

Одного только не мог объяснить никто из причастных к этой истории: откуда знахарка, эта малограмотная старая женщина, в доме которой никогда не было ни электричества, ни телефона, откуда она могла знать профессиональный термин, которым пользуются только специалисты?

А и вправду – откуда?

Садовник

– Тот ставящий в тупик случай произошел со мной много лет назад, когда я прибыл на стройку в далекий город Тахиташ, расположенный в нижнем течении великой среднеазиатской реки Амударьи, – повел свой рассказ М.М.Голубев.

Встретили меня хорошо.

“Прежде всего, вас нужно поселить, – сказал мне начальник. – Отдельный дом устроит?”

“Это шутка?” – вырвалось у меня.

“Ничуть! Действительно, имеется уютный домик, правда, однокомнатный, но ведь вам больше и не нужно”.

“Почему же он пустует?” – удивился я.

“Так уж совпало... – мой собеседник отвел глаза в сторону. – Считайте, что вам повезло. Наш комендант объяснит вам дорогу и даст ключи”. – Он крепко пожал мне на прощание руку.

Домик стоял на краю нового микрорайона, застроенного панельными пятиэтажками.

Точнее, домиков, совершенно одинаковых, было два.

Один из них стоял ближе к жилью, второй (мой) – чуть на отшибе, метрах в тридцати от первого.

От коменданта, не отличавшегося словоохотливостью, я узнал лишь то, что во втором домике живут два брата буль-

дозериста, которые, мол, и введут меня в курс местных порядков, как только вернутся вечером с работы.

Мой домик мне понравился. Небольшой, всего в два окна, с невысоким крыльцом, он был чисто побелен.

Правда, внутри, на казенной мебели, лежал толстый слой пыли.

Зато в чуланчике я обнаружил целый склад хозяйственного инвентаря: лопаты, метлы, швабры, ведра и прочее.

До наступления вечера я навел порядок и даже успел осмотреть окрестности.

Со стороны, противоположной жилью, к домику примыкал углом какой-то странный участок, размеров в два футбольных поля.

Там поднимались деревца, высаженные по линейке, тянулись посыпанные песком дорожки, вдоль которых кое-где стояли скамейки.

Однако все без исключения деревца были высохшими, дорожки потеряли свою строгую форму, а краска на скамейках облупилась.

Безжизненной была и земля – вся в трещинах, с белесыми солевыми разводами.

Между тем, появились мои соседи.

Это были братья-близнецы лет сорока, оказавшиеся людьми приветливыми и добросердечными. Они тоже были прикомандированы к стройке, но находились здесь уже больше двух лет.

Братья пригласили меня на ужин, за которым завязалась обычная в таких случаях беседа.

Однако меня не покидало ощущение, что они чего-то не договаривают.

Но вот они переглянулись между собой, и один из них сказал:

– Мы с братом не хотим вас пугать, и все же будет лучше, если вы узнаете эту историю от нас.

И они, дополняя друг друга, поведали мне о Садовнике.

Суть их рассказа вкратце такова.

Несколько лет назад рядом с новым микрорайоном был заложен парк.

Но уже по весне все деревца засохли, потому что из-под земли обильно выступила соль.

Территорию парка снова промыли водой, и снова высадили саженцы.

Но к следующему лету деревца высохли опять.

Пригласили опытного специалиста, и тот констатировал, что помочь делу нельзя. Соль на этом клине доходила до значительных глубин, а это значило, что подпочвенные воды будут постоянно выносить ее на поверхность.

После этого озеленители ушли на другую территорию, а этот покинутый участок стали называть Сухим Парком.

И только один из озеленителей не смирился с приговором.

Все свободное время он проводил в Сухом Парке, поддерживал исправность дренажной системы и пытался всяки-

ми способами вымыть из почвы избыток соли, убийственный для растений.

Этого одержимого прозвали Садовником.

Он прилагал поистине титанические усилия, но соль выпала снова.

И вот однажды к Садовнику пришли местные аксакалы и сказали, что тут ничего не будет расти, потому что этот пустырь исстари облюбовал для себя подземных хозяин соляных пластов – Соляной Хан. Хан сидит в прохладной подземной пещере и посылает своих соляных слуг, чтобы они снова насыщали землю солью. Лишь уговорив Соляного Хана уйти отсюда, можно озеленить этот уголок.

Вскоре после разговора Садовник пропал.

Ходил слух, что он отправился на поиски Соляного Хана...

И тут братья меня огорошили:

– Садовник жил в вашем доме. Там даже остался его садовый инвентарь. Когда он исчез, то через некоторое время в доме поселился крановщик с семьей. В первую же ночь новоселы были разбужены странным стуком из-под земли. Как будто кто-то хотел вырваться из глубины на поверхность и просил о помощи. Так повторилось и на вторую ночь, и на третью... Крановщик собрал вещи и покинул дом вместе с домочадцами. Затем в доме селились другие люди. Кто-то выдерживал месяц, кто-то неделю, но съезжали все. Дом пустует уже третий месяц.

– А вы? – спросил я. – Вы тоже слышите стук?

Они в унисон покачали головами:

– Нет! В нашем доме ничего не слышно!

Однако пора было прощаться.

Я долго ворочался с боку на бок, прежде чем дрема начала обволакивать сознание.

Как вдруг где-то снизу послышались ритмичные удары!

Сначала они были глухими, доносившимися как будто сквозь вату, затем стали громче и отчетливее.

Машинально я глянул на часы: было начало третьего ночи.

Затем стук пропал, но через несколько минут повторился снова.

Стук то возобновлялся, то снова исчезал, то делался глуше, то снова нарастал.

Я поднялся, включил свет, пробовал читать, но куда там!

Стук прекратился лишь около четырех часов утра.

Все повторилось и на вторую ночь, и на третью...

Я никому не говорил об этом, даже своим соседям, опасаясь стать в новом коллективе посмешищем.

Между тем, после двух часов ночи стук повторялся с неотвратимой неизбежностью, словно бы Садовник рвался из подземного плена на волю.

Мои нервы были уже на пределе, когда ситуация разрешилась весьма прозаическим образом.

Меня вызвали к начальнику, и тот сказал:

– Вынужден вас огорчить! Пришла бумага, из которой следует, что территория Сухого Парка будет застраиваться, два наших домика идут под снос. Придется вам перебраться в общежитие.

Что ж, я был только рад!

В Тахиаташе я пробыл в общей сложности более полутора лет и, постепенно разобравшись в ситуации, решил, как мне кажется, эту загадку.

Думаю, что со стороны реки к городу тянулись под землей узкие пустоты вроде каналов.

Один из таких природных каналов заканчивался как раз под домиком Садовника.

Далее.

В ту пору через Амударью в ее нижнем течении был проложен один-единственный мост, причем понтонный, именно в районе Тахиаташа.

Движение по нему было весьма интенсивным.

Но ведь еще надо было пропускать суда и баржи, которые перевозили большой объем грузов, как для Тахиаташа, так и для городов, лежавших ниже по течению.

Поэтому центральный пролет моста разводили, но в те часы, когда автомобильное движение было минимальным, то есть, ночью, с 2-х до 4-х.

Именно в этот промежуток времени суда и самоходные баржи двигались мимо города в обоих направлениях.

Очевидно, звуки работавших на малых оборотах двига-

телей, передавались по реке к подземной полости, а по ней достигали домика Садовника, воспринимаясь людьми, как некие мистические сигналы из глубины.

Что же касается самого Садовника, то он, надо полагать, убедившись в тщете своих усилий, попросту уехал из города.

Начальник полустанка

В дни отдаленной уже прорабской молодости довелось мне строить линию электропередач в одном из наиболее глухих районов Средней Азии – в Каракалпакской автономной республике. Во всякой глубинке существует своя «дыра». В Каракалпакии это плато Устюрт, ландшафт которого – готовая декорация для киносъемок фантастического фильма о какой-нибудь безжизненной планете с подходящим названием Солончаковая Пустошь. Здесь нет ни рек, ни ручейков, ни даже крохотных родничков, ни иных природных источников воды. Не увидишь ни птицу в небе, ни джейрана на дальнем холме. Нет здесь ни саксаулов, ни верблюжьей колючки, ни тех оазисов, которые встречаются даже в самых безводных пустынях мира.

Плато – тоже пустыня, только не песчаная, а гипсовая – с огромными проплешинами такыров и солончаков, пустыня, еще менее приспособленная для жизни, чем соседние пески Каракумы и Кызылкум, которые после Устюрта могут показаться цветущим садом.

Однако же именно этот гигантский гипсово-глиняный стол, приподнятый могучими силами природы над окружающим пространством, давал кратчайший выход из глубинных районов Средней Азии в европейскую часть единой то-

гда страны.

Через Устюрт пролегли нити газопроводов, а затем и железная дорога Кунград – Бейнеу.

Высоковольтная трасса, которую предстояло построить моей бригаде, как раз и предназначалась для электроснабжения инфраструктуры восточного участка новой железнодорожной магистрали.

Рельсы уже были уложены на всем протяжении, но регулярное движение поездов еще не открылось.

Ближайший населенный пункт – городок Кунград, лежащий у самого подножья плато, на плодородной земле, с высокими деревьями, густой травой и возделанными огородами, городок, откуда начинался асфальт, находился в доброй сотне километров от нашего стана, или в трех-четырёх часах езды на грузовике-вездеходе по классическому, абсолютно бездорожью.

Наш маленький лагерь – два жилых вагончика на колесах и вагончик-склад – разместился на разъезде под названием, если мне не изменяет память, Ак-Чалак.

По другую сторону от новеньких, девственно чистых рельсов, нагретых неистовым солнцем до синевы, красовалась «резиденция» начальника формировавшегося полустанка, а проще – путевого обходчика.

Это был невысокий, щупленький, но чрезвычайно подвижный русский старик, который, несмотря на адское пекло, с подчеркнутой гордостью носил черную железнодорож-

ную форму и фуражку с эмблемой путейца. Вверенный ему разъезд он называл «станцией», а себя, естественно, величал «начальником станции».

Вторым обитателем этой самой глухой из когда-либо виденных мною «станций» была его жена – дородная, рыхлая и весьма добродушная старуха, щеголявшая в цветастом синем халате и матерчатых тапочках на босу ногу.

Увидев впервые эту пару, более естественную для русской провинции, чем для среднеазиатской глухомани, я невольно подумал о тех путях, что ведут человека по жизни, вопреки его мечтам и надеждам.

Ладно, мы-то, строители, прибыли сюда на время. При том, что после каждой рабочей декады наш график предусматривал выезд на четыре выходных дня домой, в Тахиаташ, зеленый город на берегу Амударьи. В перспективе же, сдав трассу месяца через три-четыре, мы навсегда попрощались бы с сим затерянным миром.

А вот несчастным старикам-путейцам, похоже, деваться было некуда, иначе они не оказались бы на склоне лет в этом, мягко говоря, захолустье.

Можно было лишь посочувствовать их положению, в котором, тем не менее, они пытались в меру своих сил навести некое подобие порядка и уюта.

Их жилище, совмещенное, надо полагать, со служебным помещением, представляло собой сборный щитовой домик с целым рядом пристроек. Чуть дальше теснились два-три са-

модельных сарайчика из шифера и тарных досок. Непосредственно перед домом был устроен на столбах навес из маскировочной сети, дававший хоть какую-то тень. В ней прятались от палящего солнца овцы и куры, которых развели старики. Не знаю, чем уж они кормили своих братьев меньших, но живность выглядела упитанной. Иногда из дома выходил на прогулку пятнистый беспородный кот. На высоких полках (чтобы не дотянулись козы) с внешней стороны дома стояли рядами разнокалиберные горшки с цветами, выюнами и прочей растительностью. Кактусы, между прочим, смотрелись здесь, в этой дикой местности, вполне естественно.

Готов поручиться, что эти цветы и кактусы, эти куры и овцы, этот беспородный кот были единственными представителями одомашненной флоры и фауны на многие десятки вёрст вокруг. Сам же разъезд Ак-Чалак являл собой уникальный, неведомый иным краям оазис, созданный старанием и волей русского человека, заброшенного неласковой к нему судьбой на эту бесплодную землю.

Хотя магистраль еще не эксплуатировалась в нормальном режиме, но определенное движение по ней все-таки происходило.

Раз в неделю со стороны Кунграда локомотив прикатывал вагон-магазин.

Выбор был небогат: хлеб, консервы, макароны, крупа, сахар, соль, сигареты...

Ушлый продавец из местных приторговывал из-под полы

портвейном, взявая за «конспирацию» полуторную цену.

Однажды я заметил, как «начальник полустанка» (его имя стерлось, к сожалению, из моей памяти), купив вино, тайком, с оглядкой, припрятывал его в своем железнодорожном хозяйстве.

Что ж, значит даже здесь, в этом полном безлюдье и безмолвии, у бойкого путейца имелись свои маленькие тайны от единственной родственной души.

По рельсам привозили сюда и воду, нечасто, кажется, раз в месяц, зато с огромным запасом – целую цистерну, которую ставили на запасных путях. Вода считалась питьевой, но сильно отдавала горечью, которая отчасти улетучивалась после длительного кипячения. Зато принимать душ можно было хоть по десять раз на дню, совершенно не экономя драгоценную по местным меркам влагу, чем не экзотика!

Имелся на разъезде и стационарный движок, к сети которого мы подключились с любезного разрешения начальника полустанка.

Люди со стороны были здесь редкими гостями.

За весь период моего пребывания на Устюрте лишь однажды мимо нашего лагеря гордо прошествовали неожиданные странники – семейная пара кочевников, словно вынырнувших из волн времени.

Впереди размеренно шагал поджарый старик в пропыленном ватном халате и в высокой бараньей шапке, такой древний, что его загоревшее до черноты, с глубокими морщи-

нами лицо казалось маской. Он ступал с той неторопливой легкостью, которая отличает людей, привыкших ежедневно покрывать пешком немалые расстояния. На поводу кочевник вел навьюченного двугорбого верблюда.

На втором верблюде величественно восседала полная, ярко нарумяненная степнячка средних лет в длинном темном платье, в черном, расшитом серебряными узорами бархатном жакете и в коричневых ичигах – легких брезентовых сапожках. Ее волосы были повязаны большим цветастым платком, но широкое круглое лицо, не такое смуглое, как у старика, оставалось открытым, – у кочевников женщины никогда не носили чадру. Надо полагать, старик взял ее в жены еще девочкой.

Замыкал шествие третий верблюд, который нес на себе сложенную юрту.

Верблюды ступали след в след, хотя вокруг была необъятная ширь.

Кочевники так и не свернули к разъезду, будто и не заметили его вовсе. Молча, даже не взглянув в нашу сторону, они прошествовали в некотором отдалении, бесстрастно пересекли линию железной дороги как некое досадное препятствие и вскоре исчезли за холмом.

С нашим появлением старики заметно ободрились.

Правда, общались мы, да и то коротко, только по вечерам.

Бригада проводила на трассе полный световой день, и народ ложился спать пораньше, чтобы подняться с первыми лу-

чами солнца.

Работали монтажники сдельно, так что бить баклуши, да еще при отсутствии альтернативных вариантов, им было не с руки.

Как правило, за ужином мы обсуждали возникшие на трассе технические проблемы и прикидывали способы, как устранить их завтра. Только на это и хватало времени за вечерним чаем.

«Начальник станции» обычно присоединялся к нам тихонько, как мышка, садясь в сторонке и всегда решительно отказываясь от приглашения к столу.

Казалось, ему интересен наш сугубо профессиональный разговор, но постепенно у меня сложилось впечатление, что он просто вслушивался в звуки человеческой речи, в звучание аккорда разных голосов, наслаждался самой возможностью присутствовать при общении коллектива.

Что касается его дражайшей половины, то с первыми же признаками темноты она загоняла коз и курей в сарайчики, после чего скрывалась в своем домике до утра.

В силу производственной необходимости мне приходилось порой оставаться в лагере в дневные часы, и супружеская пара целый день маячила перед моими глазами.

Надо было видеть, с какой добросовестностью «начальник станции» исполнял свои служебные обязанности!

Его начальство сидело где-то за тридевять земель, но старый железнодорожник, получавший твердый оклад, подни-

мался ни свет, ни заря и тут же принимался за работу: инспектировал свой участок, проверял стрелки, белил столбики, переставлял какие-то ящики, выполнял множество прочих мелких дел, почти не давая себе передышки.

Лишь однажды я заметил, как, вынув из тайника припрятанную бутылку, он огляделся по сторонам, затем сделал основательный глоток, вернул вино на прежнее место, снова зорко огляделся и лишь после этого присел на большой ящик.

Всегда он был одет по форме и даже не расстегивал пуговиц своего кителя, лишь изредка снимал фуражку и вытирал лоб большим клетчатым платком.

Под стать мужу была и жена.

Несмотря на кажущуюся медлительность, она хлопотала целый день, успевая обиходить свою живность, полить и окучить растения, приготовить обед, убрать в доме, да еще подмести дворик – «территорию станции». Последнее занятие представлялось и вовсе бессмысленным, потому как уже через полчаса ветер носил новые слои пыли. Однако хозяйка снова бралась за веник, и так по несколько раз на дню.

Отношения между стариками были самые сердечные. Обычно они разговаривали друг с другом ласково, предупредительно, никогда не повышали голоса...

«Старосветские помещики», да и только!

Впрочем, иногда женщина сердилась, но без истерики и скандалов, просто замыкаясь в себе, и тогда муж вился во-

круг нее व्यюном, стремясь, видимо, вернуть ее в привычное расположение духа.

Но больше всего меня в этой паре завораживало другое: старики не роптали на судьбу.

Они жили с верой, что этот пустынный разъезд и есть их настоящий дом!

Я не мог себе представить, что в один прекрасный день старый путеец воскликнет в сердцах: «Да пропади оно всё пропадом!», соберет чемодан и уедет с этого полустанка, куда глаза глядят, – один или вместе со своей старухой.

Тут крылась какая-то загадка, и мне хотелось разгадать ее, поговорить с дедом, а может, и с обоими стариками, что называется, по душам.

Но ведь не подойдешь вот так запросто и не скажешь: «Ну, что, дед, посудачим за жизнь?»

Он-то, может, и согласится, да не сочинит ли чего при этом?

Нет, тут требовалась особая ситуация, атмосфера полной доверительности.

Что ж, решил я, вот закончится трудный участок трассы, тогда и попытаюсь вызвать «начальника станции» на открытость.

Как-то раз выдалась особенно душная ночь, и я, не в силах уснуть, вышел из вагончика на свежий воздух.

Весь Устюрт был словно укутан черным бархатом.

Лампочки, горевшие над разъездом, освещали лишь огра-

ниченные сферы вокруг себя.

Вдруг я заметил совсем рядом два аритмично двигавшихся красных огонечка.

Ничем иным, кроме «вальсирующих» кончиков зажженных сигарет, это быть не могло.

Окружающий мрак был сгущён столь плотно, что каких-либо деталей не разглядел бы даже самый опытный военный разведчик.

Впрочем, я знал, что ниже двигавшихся огоньков были сложены ящики с изоляторами, служившие нам в часы досуга скамейками.

Очевидно, что на нижнем их ряду сейчас сидели двое курильщиков, ведя некий разговор.

И точно, в следующий миг до меня донесся голос одного из наших монтажников:

«Да ведь тут удавишься от тоски! Нет, ни за что не поверю, дед, что ты добровольно согласился перекочевать в эту дыру!»

Что ж, разве не то же самое, хотя и в более деликатной форме, хотел спросить у старика и я?

«Почему же – дыра? – прозвучал между тем второй голос, явно принадлежавший «начальнику станции». – К осени здесь поезда пойдут, ремонтную мастерскую построят, поселок заложат... А вообще, парень, я тебе так скажу! Если у тебя есть в жизни Дело, то нигде не пропадешь и не заскучаешь. Делу надо служить, парень, не за страх, а за совесть! А

если нет Дела, то везде будет тоска и дыра. Ты уж мне поверь, я знаю, о чем говорю... – Судя по движению огонька, он поднялся: – Ладно, пора на боковую! Завтра много работы».

«А старичок-то непростой», – уже в который раз подумалось мне.

Ладно, вот вернёмся со следующих выходных, обязательно залучу этого философа из народа на беседу тет-а-тет!

В те времена зарплату нам привозили прямо на трассу – из Ташкента, из нашей главной конторы.

Кассиршу, с полной денежной наличностью, сначала доставляли в ташкентский аэропорт, там она, уже безо всякого сопровождения, садилась в обычный рейсовый самолет и прилетала в Нукус, где ее встречал кто-либо из водителей.

Затем, чаще на самосвале, она объезжала в течение двух-трех дней все объекты. Последней точкой на маршруте значилась, естественно, самая удаленная, устюртская трасса.

Вот и в тот день всё проходило по знакомому сценарию.

С той лишь разницей, что едва самосвал затормозил, как кассирша Валя прокричала мне:

«Собирайтесь! Вас срочно вызывают в Ташкент!»

В жарком воздухе, пропитанном глинистой пылью, это звучало подобно сладкой музыке.

Лично для меня причина столь экстренного вызова не являлась секретом.

Еще весной, находясь в Ташкенте, я побывал по повестке в военкомате, где мне сообщили, что нынешним летом на ос-

новании закона о всеобщей воинской обязанности меня призовут на действительную службу. Я честно предупредил военкома, что летом, скорее всего, буду находиться на дальнем объекте. Он бодро ответил, что это не проблема. Как только придет приказ, военкомат свяжется с руководством моей конторы и под личную ответственность начальника обяжет отозвать меня в кратчайшие сроки, хотя бы даже я находился у черта на куличках. («У черта на куличках» – это военком как в воду смотрел!).

Собирая позднее в вагончике свою сумку, я выглянул в окошко и увидел «начальника станции», который привычно наводил порядок на подведомственной территории.

Эх, не стоило мне откладывать разговор с ним «на потом»!

Вот так всегда бывает: думаешь, я это еще успею, но жизнь распоряжается по-своему.

Прощай, старик! Дай Бог здоровья тебе и твоей дражайшей половине!

В Каракалпакии мне довелось побывать еще раз, уже после службы в армии, но на Устьюрте наша организация больше не работала.

Спустя какое-то время я расстался с профессией энергетика, а много позднее и со Средней Азией, расстался, как оказалось, навсегда.

Но нет-нет, да и вспомнится мне старый железнодорожник как пример потрясающей выживаемости русского чело-

века, его стойкости не на показ и неколебимой крепости его духа.

«Не тревожьте мой покой...»

Загадочное происшествие с двумя охотниками за цветными металлами

Стояла лунная летняя ночь. По узкой лесной дороге катил видавший виды пикап. В неосвещенном салоне находились двое мужчин.

– Полчаса уже пилим! – выговорил своему спутнику самоуверенный мордастый качок, сидевший за рулем. – Ты ничего не напутал, а, Кузя? Может, свернули не там?

Тот, к кому он обращался, – суетливый, нервозный тип заячьего веса, – передернулся:

– Свернули, где надо, Маркел! Я же показал тебе зарубку!
– Тогда лады!

Еще некоторое время ехали молча. Свет фар вырывал из темноты извилистые колоннады сосновых стволов, заросли колючего кустарника.

– Что-то я никак не врублюсь, – снова заговорил водитель. – Ну, глухомань. Дебри, болота... Но, с другой стороны, от шоссе не так уж далеко. Грибники и ягодники здесь точно шастают. Деревушка, сам говоришь, имеется. Опять же, вот эта самая колея, кто-то же по ней ездит... Как ни крути, а этого бронзового орла и раньше могла видеть куча народу.

Так почему же никто его не умыкнул? За цветной металл люди жизни кладут, на столбы лезут, провода снимают под напряжением... А тут не просто цветмет – антиквариат! Это же какие бабки можно наварить! А птичка так и красуется... Вот что мне странно. Или мы с тобой самые умные?

– Во-первых, весу в этой птичке будет центнер с гаком, – ответил Кузьма. – На себе не потащишь. А без автогена не возьмешь.

– Не проблема! Мы же с тобой подготовились. И любой другой мог так же.

– Народ у нас ленивый, – скривился Кузьма. – Ему принеси да в рот положи. Никакой предприимчивости!

– А местные? Уж им-то деньга во как нужна!

– Так в деревеньке одно старичье и осталось...

Кузьма и сам не понимал причину своей тревоги. Но она росла по мере того, как пикап углублялся в затаившиеся лесные дебри.

У Маркела, похоже, были еще вопросы, но тут открылась обширная поляна, залитая серебристым лунным светом. Она подступала к подножью невысокого холма с десятком стройных корабельных сосен на вершине. В их тени угадывалось некое изваяние. Пологий склон холма был усеян покосившимися деревянными крестами. Внизу, перед подъемом, цепочкой расположились крупные мшистые валуны, словно сторожившие дорогу к старому погосту.

– Приехали... – пробормотал Кузьма.

– У-у-у, зашевелилась земля, поднялся страшный мертвец! – замогильным голосом проверещал здоровяк Маркел и расхохотался.

– Замолчи!!! – тонко взвизгнул вдруг Кузьма.

– Псих, шуток не понимаешь?! Ладно, давай в темпе. Вы-волакивай баллон!

Склон хоть и выглядел пологим, но давался приятелям с трудом – из-за обилия тонких змеевидных корней, которые так и норовили петлей опутать ноги. Маркел поминутно спотыкался, чертыхаясь и звеня сумкой с инструментами. Кузьма, несший на плече ацетиленовый баллон, двигался молча и так осторожно, будто перед ним лежал участок минного поля.

Макушку холма венчала рваная гранитная плита. В нее была вделана бронзовая сфера величиной с крупный арбуз, служившая в свою очередь опорой для изваяния – гордого орла, изготовившегося к полету. Фигура птицы была выполнена со всей тщательностью – на распрямленных крыльях обрисовывалось каждое перышко, на лапах, сжимающих сферу, четко различался каждый коготок.

– Ух, красавец! – восхитился Маркел. – Точно антик! Смотри-ка, а бронза даже не позеленела. Начищают его, что ли?

– Не знаю. Давай скорее сделаем, что надо, и свалим.

– Кто бы спорил... А там что за огонечки?

– Деревенька. Маркел, ну, зажигай горелку! Резанем выше

когтей и назад!

С Кузьмой явно творилось что-то неладное.

Маркелу, уже подсчитавшему в уме барыши, идея поделеньника не понравилась.

– «Выше когтей»... – передразнил он его. – Опупел, что ли?! Своими руками товар портить? Нет, брать будем вместе с шариком. В нем весь цимес! Придется, конечно, поработать зубилом... – он опустил перед изваянием на колени. – Эге, а здесь какая-то табличка. Буквы наполовину стерлись, но прочитать еще можно. Ну-ка... «Не тревожь мой покой. Иначе...» Что – «иначе»? Не пойму. Ага! «Смерть!» Нет, еще не все. «Без...» Хм! А, понял! «Иначе смерть или безумие!» Ха-ха! Во как в старину шутили деды! – он поднялся и фамильярно похлопал изваяние по гулкому боку: – Ладно, птаха! Хватит тебе торчать в чертовой глуши! Пора на лоно цивилизации!

Будто в ответ заскрипели стоявшие полукругом корабельные сосны. Где-то рядом заухал филин.

– Маркел! – жалобно заскулил вдруг Кузьма. – Не надо никакого антика! К бесу баксы! Ничего не будет трогать! Поехали отсюда! Поехали, прошу тебя!

– Я те поеду! – рявкнул Маркел. – Нет, сам же втравил меня в это дерьмо, а теперь – в кусты?! Заячья душонка! Кладбища испугался! Психушка по тебе плачет! А ну-ка, бери зубило и молоток и руби вот здесь!

– Маркел, ну, пожалуйста!

– Руби, говорю!

– Сам руби! Не надо мне моей доли! Я иду вниз!

– Ты у меня шагу отсюда не ступишь, придурок! Держи! –

здоровяк насильно вложил тому в руки инструменты.

– Маркел, у меня мозги пухнут! Пусти!

– А в рыло?

– Пусти же! – Кузьма поднял зубило. – Не то...

– Ну, блин! – по-настоящему рассвирепел Маркел. – Ты на кого тянешь, урод?! Совсем, что ли, офонарел?!

В припадке безумия Кузьма бросился на него...

– Темное дело... – сощурился пожилой, необщительного вида следователь.

– А, по-моему, напротив – всё ясно, как дважды два – пять! – хмыкнул кругленький, весь какой-то по-домашнему ухоженный судебный эксперт. – Вот вам готовая версия. Можете построить на ней свой отчет. Дарю! Итак, два охотника за наживой приехали ночью на заброшенное кладбище, чтобы срезать бронзовое надгробье. С целью последующей продажи. По невыясненной причине между поделщиками вспыхнула ссора, перешедшая в драку. Один из конфликтующих, более слабый, импульсивно защищаясь, ударил второго острым металлическим предметом, предположительно зубилом, в правый глаз. Удар – неожиданно для первого – оказался смертельным. В результате чего невольный убийца, узрев содеянное, свихнулся, рехнулся, сбрендил, спятил, ополоумел, слетел с катушек, вольтанулся. Уф!

– Зубило? – покачал головой следователь. – Рана слишком аккуратная для зубила. Скорее, это нечто похожее на... – он осмотрелся в поисках точного сравнения, – клюв вот этой птицы!

– Не исключено, – согласился эксперт. – В пылу драки, да еще в темноте, погибший мог ненароком напороться глазом на клюв надгробного орла. Рост как раз соответствует.

– А где следы крови на клюве? Их нет!

– Спятивший подельник мог машинально стереть их.

Следователь думал о чем-то своем.

– Чья это могила? – спросил он. – Откуда в этом медвежьем углу такое непростое надгробье?

– Архивы не сохранились, – пожал плечами эксперт. – Местные, возможно, знают, но не говорят. Впрочем, слышал я краем уха, будто здесь покоится то ли святой, то ли отшельник, то ли даже колдун. И будто бы до сей поры к могиле тайно приходят почитатели...

– А ведь это не первый случай, – заметил следователь.

– Да, припоминаю. Что-то подобное здесь произошло лет пять назад. И, как будто, еще раньше... Это только те случаи, о которых известно наверняка...

– «Не тревожь мой покой»... Значит, предостережение сбывается? Но ведь это мистика!

– Есть многое на свете, друг Горацио... – развел руками эксперт.

На вершине холма заскрипели сосны, хотя вокруг не было

ни ветерка.

Оба сыщика, не сговариваясь, посмотрели вдоль склона вверх. И обоим вдруг показалось, что бронзовый страж чутко прислушивается к их беседе, зорко озирая свои владения.

Соринка в глазу

Эту историю, произошедшую с ним в конце 80 гг 20 в., поведал мне мой добрый знакомый, хороший ленинградский писатель.

Естественно, я сразу же поинтересовался, отчего он, с его виртуозным владением пера, не поспешил собственноручно запечатлеть этот неординарный сюжет на бумаге.

Вздыхнув, мой собеседник ответил, что в кругу своих читателей он пользуется репутацией твердого реалиста, ниспровергателя мистической ереси. Опубликуй он эту миниатюру под собственным именем, кое-кто из его поклонников, чего доброго, отвернулся бы от него.

Далее он вдруг заявил, что дарит эту фабулу мне, но при одном обязательном условии. Я не должен не только не называть его фамилии, но и вывести его под другим именем-отчеством. Так, чтобы героя не «опознали» даже коллеги по творческому цеху. Пусть, к примеру, он будет «Александром Владимировичем».

Поначалу я ответил категорическим отказом, ссылаясь на то, что не заимствую чужих сюжетов, но после целой серии деликатных препирательств дал всё же себя уговорить. Жаль, если пропадет столь диковинная быль!

И вот оно перед вами, это странное, преисполненное та-

индивидуальности происшествие, случившееся в самой обыденной обстановке и изложенное от лица главного героя.

– В конце 80-х годов ленинградским писателям выделили дачный участок вблизи платформы «63-й км» по Выборгскому направлению, – начал свое повествование Александр Владимирович.

Дача, сад, огород – не мое призвание, поэтому я даже заявки не подавал на владение загородным «поместьем».

Но большинство ленинградских мастеров пера охотно вступили в дачный кооператив, в том числе мой приятель Василий Степанович, назову его так.

Если еще недавно мы беседовали с Василием, как правило, о тонкостях литературного процесса, то вскоре в наши разговоры мощно вклинилась дачная тема. По инициативе Василия, разумеется.

В какой-то момент я понял, что ему просто нужен помощник.

Не буду отнимать вашего времени описанием того, как мы расчищали его участок от спиленных сосенок, колючего кустарника и больших, вросших в землю камней, как корчевали пни и т.д. Как позднее выстроили по эскизам Василия из подручного материала, тех же распиленных сосенок и собранных в кучу камней, «избушку на курьих ножках».

Прошло еще два-три сезона, и садоводство приняло вполне обжитой вид. Мой Василий Степанович взял за правило переселяться в свою избушку на всё лето.

Обычно я навещал его один-два раза в месяц, если, конечно, позволяли дела и погода.

Во время одного из моих визитов и случилась эта весьма неоднозначная история.

Было прекрасное летнее утро, когда я спустился по ступенькам с платформы «63-й км».

К садоводству, точнее, к повороту на него вела старая финская дорога, по которой предстояло прошагать порядка трех километров, а затем еще около 300м по боковому ответвлению.

Весь этот путь обычно занимал у меня чуть более получаса.

По обе стороны финской дороги тянулись полосы леса. Слева – мрачноватого, поросшего кустарником, испещренного сетью тропинок, проложенных дачниками-литераторами, членами их семей и гостями, в стремлении сократить путь к садоводству. Справа – светлого, соснового, пронизанного солнцем.

Вот что важно – погода стояла тихая, совершенно безветренная.

Однако не успел я прошагать по старой дороге и двух десятков метров, как вдруг, откуда ни возьмись, налетел вихрь, который вскружил пыль передо мной, и в тот же миг я ощутил, что мне в левый глаз попала соринка.

Я остановился, зажмурил веко, моргнул раз-другой, и неприятное ощущение исчезло.

Еще раньше воздух снова пришел в недвижимое состояние.

Я двинулся вперед, и внезапно мною овладело желание свернуть в лесок, что тянулся по правую руку, куда я прежде никогда не заходил.

Сегодня ночью прошел сильный дождь. Наверняка, из-под земли вылезли крепкие грибочки. Отчего бы попутно не насобирать даров леса на грибной суп, готовить который мой Василий просто мастер!

Я достал из своей наплечной сумки полиэтиленовый пакет, перепрыгнул через канавку и, о чудо, прямо перед собой, на пригорке, меж двух сосенок, увидел замечательный масленок.

«С почином!» – поздравил я себя и двинулся вглубь леса.

Лес постепенно становился гуще, то тут, то там встречались заросли кустарника либо поваленные стволы.

А вот грибов что-то не попадалось, если не считать семейств ярко-красных сыроежек, которых я не признавал.

Скудность добычи несколько охладила мой пыл, но, поднявшись на пригорок, сразу же за которым тянулось обширное болотце, я увидел поднимавшуюся изо мха симпатичную пару тонконогих подберезовиков.

Тотчас они отправились в пакет, а мой охотничий азарт получил чувствительный импульс.

Я двинулся вдоль края болотца, внимательно осматривая каждую кочку, и вскоре моя добыча пополнилась двумя свеженькими моховиками.

С удвоенным вниманием я принялся осматривать склон пригорка, обрывавшегося к болоту, и даже раздвигал руками колючие кусты, но, увы. Грибы словно бы попрятались от меня.

Тем не менее, я прошагал немалый участок тропинки вдоль обрыва, когда вдруг поймал себя на мысли, что брожу по лесу уже давненько, и что в азарте «тихой охоты» утратил всякое представление о времени.

Я взглянул на часы, и тут меня ожидал сюрприз: те стояли. Неужели, вопреки обыкновению, я забыл завести их с утра? Ладно, не беда.

Я достал мобильник, дабы определиться по нему со временем, а заодно сообщить Василию, что я, мол, здесь, рядом, и скоро прибуду в его «фазенду».

Вот-те раз! Аккумулятор оказался разряженным. А ведь я зарядил его, собираясь в дорогу – помню это отчетливо. Зарядить-то зарядил, но, очевидно, в спешке забыл заблокировать клавиши. В электричке одна из них, видимо, случайно включилась, и моя труба потеряла впустую весь запас своей энергии.

Так-то оно так, но то обстоятельство, что и часы, и мобильник прекратили работу практически одновременно, выглядело более чем странным.

Ладно, решил я. Большая грибная охота явно не задалась. Буду выходить на дорогу.

Казалось бы, нет ничего проще, чем покинуть сравнитель-

но небольшой по площади лесной участок, окруженный с трех сторон садоводствами и дачными кооперативами.

Я отчетливо слышал музыку, лай собак и даже громкие человеческие голоса. Автомобили проносились где-то совсем рядом. На весь этот шум накладывался перестук электрички, которая, по первому впечатлению, гудела в полусотне метров впереди.

В качестве ориентира я поначалу выбрал собачий лай и двинулся напрямик на этот источник звука.

Но, обходя обширный завал из поваленных деревьев, переплетенных ярко-зеленым вьюном, я засомневался: собачий лай слышался теперь у меня за спиной!

Я сообразил, что дачных поселков здесь несколько, и лай может слышаться то с одной, то с другой стороны.

Нет, лучше двигаться на гул автомобилей.

Так я и сделал, но, пройдя еще немного, услышал урчание мотора совсем не там, где ожидал.

Я десятки раз менял курс, пытался идти по тропинкам, которые почему-то выводили меня к тому самому болотцу.

Ноги мои гудели от усталости, сердце стучало, но еще досаднее была мысль, что я оказался пленником крохотного клочка леса.

Узнай об этом собратья-писатели – засмеют!

В какой-то момент я пришел в отчаяние, и тут лес неожиданно расступился.

Я увидел белую железнодорожную будку, шлагбаумы, пе-

реезд, рельсы, краешек платформы, но решительно не понимал, куда меня занесло.

Неужели в своих блужданиях я каким-то образом вышел к следующей платформе?

Повторяю: погода в тот день была совершенно безветренной.

И тут снова налетел «моментальный» вихрь, и у меня сложилось впечатление, что он словно бы выдул из моего левого глаза затаившуюся там соринку.

В следующее мгновение мое зрение ослепительно прояснилось, и я понял, что нахожусь рядом с платформой «63-й км», на старой финской дороге, по которой проходил десятки раз.

Когда я нагрязнул, наконец, к Василию, шел уже пятый час пополудни.

То есть, моя «тихая охота» продолжалась около шести часов.

Василию, разумеется, я ни словом не обмолвился о своих хождениях по лесу, в котором не заблудился бы даже ребенок, а свое опоздание объяснил какой-то другой причиной.

Однако не было ни дня, когда бы я не размышлял об этом случае.

– И вот такая у меня сложилась версия, – резюмировал Александр Владимирович. – Полагаю, я стал невольным участником некоего научного эксперимента, который проводили спецслужбы, а может, даже инопланетяне.

Соринка, с которой всё началось и которой всё закончилось, на самом деле являлась микрочипом, внедренным мне под веко.

Этот микрочип полностью контролировал мое сознание и руководил моими действиями.

Не по собственной воле, а под влиянием манипуляций таинственного оператора я потерялся на шесть часов в лесу, величиной с пригородный парк, а затем не мог узнать хорошо известное мне место. Он же, оператор, остановил мои часы и отключил мобильник.

Только вмешательством в мою психику извне я могу объяснить это невероятное происшествие.

Но какую цель преследовали невидимые экспериментаторы, почему в качестве «подопытного кролика» они выбрали мою скромную персону, для меня по-прежнему остается загадкой, – на такой неопределенной ноте завершил свои откровения Александр Владимирович.

Загадка старой дороги

Вот уже добрых полтора десятка лет меня преследует навязчивое видение.

Стоит мне прочитать в прессе очередную заметку об отвратительном качестве наших дорог, либо услышать по «ящику» репортаж о волнах и выбоинах, появившихся на новеньком, широко разрекламированном автобане, в строительство которого была вбухана чертова уйма миллиардов, либо увидеть собственными глазами во время прогулки по нашему славному городу, как ремонтируют прогнувшийся, совсем недавно выложенный красивыми плитками тротуар, то память тотчас воскрешает картину трехкилометрового участка старой, простейшей укладки лесной дороги, что тянется в районе железнодорожной платформы «63-й км» по Выборгскому направлению.

После долгих прикидок я решил восстановить эту картину на бумаге, теща себя надеждой, что мои бывшие наблюдения покажутся небезынтересными и современному читателю.

Весной 1989 года ленинградским писателям выделили место под садоводство недалеко от платформы «63-й км».

Как водится, площадь была поделена на участки и распределена между претендентами по жребию.

Поскольку я переселился в Северную Пальмиру лишь в

августе того же, 89-го, то к «раздаче слонов», понятное дело, не успел.

А вот мой товарищ, собрат по перу и бывший земляк, обосновавшийся на берегах Невы несколько ранее меня, свой дачный надел получил.

Будущее садоводство нуждалось в выкорчевке бесчисленных пней, в основательной очистке от поваленных сосенок, буйно разросшегося колючего кустарника, вросших в землю крупных камней и т.д.

Как не помочь товарищу!

В течение нескольких сезонов я периодически выезжал с ним в нарождающееся садоводство, внося посильный вклад в окультуривание участка.

Постепенно на месте сплошного бурелома поднялся дачный поселок, с электричеством и водопроводом, поселок, в котором еще долгое время новенькие кирпичные и бревенчатые особняки соседствовали с жилыми вагончиками, избушками-курятниками и даже шалашами.

От платформы к писательскому «раю» вела старая грунтовая дорога, которая выныривала откуда-то из глубины леса, пересекала переезд и вводила в такие же сосновые дебри, минуя другие, уже обжитые дачные поселения.

Писателям, членам их семей и гостям надо было пройти по этой дороге примерно три километра, а затем свернуть под прямым углом и прошагать по расчищенной просеке еще метров триста до шлагбаума, за которым, собственно, начи-

нались загородные владения литераторов северной столицы.

Старая дорога, повторяюсь, относилась к разряду грунтовых, но так называемого профилированного типа.

То есть, под нее сначала было приготовлено ложе, в которое затем улеглось полотно из послойно утрамбованной, предварительно просеянной земли.

Об этих и других подробностях мне поведали знающие люди, ветераны здешних мест.

По их рассказам, дорога была построена финнами незадолго до зимней войны, когда окрестные леса еще принадлежали стране Суоми. В ту пору здесь не существовало никаких садоводств, лишь тянулись болотистые сосновые дебри, перемежаемые редкими хуторами. Дорога, скорее всего, имела оборонительное предназначение.

После известных событий вся эта территория отошла к СССР.

С той поры дорога ни разу не ремонтировалась капитально, о чем свидетельствовали боковые дренажные канавки, заросшие во многих местах кустарником, однако всё еще сохранявшие свой профиль.

Полотно не выглядело ровным, кое-где на нем образовались выбоины, впрочем, не слишком глубокие.

В общем, дорога как дорога. На первый взгляд, ничего особенного.

Но вскоре пришла пора удивляться.

Однажды, когда я гостил у товарища и собрата, разразил-

ся ужасный ливень.

Переждав его, я отправился на электричку.

Песчаный отросток, проложенный от садоводства до старой финской дороги (так называли ее многие дачники), превратился в кисель, в вязкое месиво, в некое подобие непролазного болота.

С немалыми ухищрениями взобравшись на прилегавший пригорок, я двинулся по лесной тропинке вперед, мысленно представляя, что и грунтовка раскисла до неузнаваемости и что мне придется топтать до платформы по щиколотки в грязи.

Каково же было мое изумление, когда я обнаружил, что земляная поверхность старой лесной трассы, несмотря не недавний водопад с небес, абсолютно пригодна для прохождения по ней человека, даже обутого в сандалии.

Лишь кое-где поблескивали лужицы, которые быстро высыхали на солнце.

Вот тогда-то и начала донимать меня мысль о том, почему же обычная грунтовка, которой уже шел, как минимум, шестой десяток лет (по состоянию на тот момент), ни разу не подвергавшаяся капитальному ремонту, продолжает, тем не менее, исправно выполнять свое прямое предназначение.

Быть может, по ней ездят только велосипедисты, и ее плотно не испытывает предельных нагрузок?

Я предпринял «секретную» акцию, достойную именоваться «проверкой на дороге».

Да, велосипедисты тоже наличествовали, но куда интенсивнее мимо меня проносился легковой транспорт, а также грузовики со стройматериалами и мебелью, тягачи с прицепами, перевозившие трубы и прочие длинномерные грузы, кроме того, нередко проезжали фуры, а также трейлеры, нагруженные экскаваторами, бульдозерами и прочей тяжелой техникой.

Итак, профилированная грунтовка работала на полную мощность, при этом не осыпалась, не прогибалась, не проваливалась, не покрывалась гребешками.

Очевидно, не меня одного удивляло качество этой скромной транспортной коммуникации.

Я не раз замечал, как иные дачники нет-нет, да и топнут по ней ногой, будто дивясь небывалой прочности ее полотна, сооруженного из самого доступного материала.

К тому времени я уже знал со слов другого собрата по перу, страстного поборника развития ремесел, промыслов и малого бизнеса на Руси, о том, что в не таком уж и отдаленном прошлом идея земляного строительства успешно развивалась в исконно русском, северо-западном крае.

В конце 18 века архитектор Николай Александрович Львов, заручившись поддержкой императора Павла I, построил в Гатчине знаменитый Приоратский дворец – из земли, точнее, из суглинка, который лежит у нас под ногами. Техника «землебита» заключалась в том, что тщательно просеянный, освобожденный от корешков, стебельков и прочих

примесей грунт засыпали в специальные опалубки и утрамбовывали почти вдвое против первоначального объема. Затем готовили следующий слой, и так до самого карниза. Для связки между слоями использовали известковый раствор.

По преданию, однажды новостройку, еще не завершённую, осмотрели государь Павел I, великий князь Александр Павлович и его очаровательная супруга Елизавета Алексеевна.

Не утерпев, великая княгиня попыталась испытать прочность земляной стены посредством острого конца своего летнего зонтика. Убедившись, однако, что ее молодых сил хватило лишь на высверливание крошечной лунки, Елизавета Алексеевна воскликнула с немалым изумлением, обернувшись к архитектору: «Я никак не ожидала, мсье Львов, что ваша земляная стена может быть такой твердой!»

Эпизод из хроники строительства Приоратского дворца я привел отнюдь не в качестве агитации за канувший в Лету «землебит», а лишь для того, чтобы ближе подобраться к загадке старой финской дороги, загадке, которая, как представляется, содержит ключ к более серьезным вещам.

Послушайте: если простая грунтовка способна служить так долго, то какой же запас прочности могут иметь дороги, проложенные на основе современных материалов и технологий! Представим на минуту, что наши трассы – бетонные, асфальтированные, гравийные, щебеночные и прочие выдерживают без ремонта, без постоянного латания дыр хо-

тя бы несколько лет. Да ведь при таком допущении просторы нашего отечества, ныне утопающего в периоды распутицы в непролазной грязи, в кратчайшие исторические сроки покрылись бы сетью разнообразных по способу покрытия, но одинаково замечательных по качеству дорог, неподвластных ударам стихии.

«Почему они, наши соседи, обитающие в точно таких же климатических условиях, строят надежно и качественно? – спросил я знакомого начальника дорожного строительства, с которым мы были почти в приятельских отношениях. – В чем загадка?»

«Нет никакой загадки, – пожал он плечами. – Надо в точности выполнять всю технологическую цепочку, только и всего».

«А мы этого не можем?»

«Можем», – уверенно кивнул он.

«Почему же не выполняем?»

Он ответил мне преисполненной таинственности улыбкой.

На рубеже нового века мой товарищ и собрат по литературным мытарствам обменял свою писательскую «фазенду» на «курятник» в другом районе.

С той поры мне не приходилось более бывать на 63-м километре.

Не имею ни малейшего представления о том, в каком состоянии находится старая финская дорога сейчас.

Быть может, запас ее прочности уже истек, и она пришла в полный упадок.

А может, по-прежнему несет свой крест, дивя неравнодушный люд загадочным долголетием.

Полуденный выстрел или парадокс времени

В 90-х годах я жил на Петроградской стороне, недалеко от Петропавловской крепости, и традиционный полуденный выстрел крепостной пушки слышался в моей комнате так громко, словно звучал в коридоре.

Этот выстрел, между прочим, имел для меня и определенный практический смысл.

В тот период режим моей работы требовал от меня выезжать из дома около половины первого дня.

Таким образом, пушка как бы подавала мне сигнал готовиться в дорогу.

Впрочем, в столь эффектной напоминании я не слишком-то и нуждался.

Дело в том, что у меня чуть ли не с детства была способность весьма точно ориентироваться во времени.

Проще говоря, не глядя на циферблат, а лишь ненадолго сосредоточившись, я мог определить с погрешностью не более пяти минут, который сейчас час.

Не могу объяснить, как это у меня получалось, но факт остается фактом.

Так, обнаружив среди дня, что мои наручные часы стоят,

ибо я забыл завести их с утра, я ставил стрелки по подсказке внутреннего голоса, и, хотите – верьте, хотите нет, никогда не ошибался. Порой доводилось выигрывать пари на этот счет, безмерно удивляя случайных собеседников. Кое-кто из проспоривших считал даже, что я прибегаю к некоему фокусу, незаметно поглядывая на замаскированные часы. Но в том-то и штука, что никаких фокусов не было. Ведь не «фокусничают», к примеру, парфюмеры, которые воспринимают гораздо больше запахов, чем другие люди. Ну, а у меня имелся дар ощущать ход времени. Только и всего. Притом, что никаких особых преимуществ мне это не давало.

Тем не менее, полуденный выстрел пушки служил мне надежной подстраховкой.

И вот что характерно: обычно я предчувствовал готовившийся в крепости акт.

За несколько секунд до выстрела, если только я не был занят чем-то очень важным, я замирал на месте и шептал про себя: «вот сейчас она бабахнет!»

И точно, от Невы налетал тугой хлопок, а я приступал к своим сборам, отлаженным до мелочей.

Эта размеренность, эта гармония соблюдалась изо дня в день.

То памятное утро не выделялось из общего ряда ничем примечательным.

Впрочем, наступавший день имел для меня несколько иное расписание, чем обычно.

Незадолго до работы, в 12.30., я должен был встретиться в центре города с одним человеком. Эта деловая встреча значила для меня очень много. Вдобавок, я знал, что этот человек отличается исключительной пунктуальностью и никогда не опаздывает даже на минуту, требуя такой же «королевской вежливости» от своих партнеров.

Значит, сегодня мне надо было выйти из дома раньше обыкновенного.

По моим прикидкам, минут через пять-семь после выстрела пушки.

Ладно, никаких проблем!

Запаса времени у меня было вдоволь.

Я все еще хлопотал по хозяйству, когда над Невой раздался знакомый звук.

Впервые в жизни выстрел Петропавловской пушки застал меня врасплох.

Поначалу я решил даже: что-то упало в коридоре.

Но нет, звук сигнальной пушки не спутаешь ни с одним другим!

Да, это был он, полуденный выстрел!

Однако же, на этот раз у меня не мелькнуло и тени предчувствия, что полдень наступил. Напротив, я готов был держать пари, что располагаю еще целым свободным часом. Вот и проиграл бы, сказал я себе. Похоже, сегодня мой внутренний хронометр дал сбой. Скорее всего, погрузившись в непростые размышления о предстоявшей встрече, я утратил

контроль за движением важнейшей космической категории. Оттого и возникла иллюзия «исчезнувшего часа»,

«провала во времени», ощущение того, что мой весьма солидный «золотой запас» времени сжался до размеров одного мгновенья!

Машинально я глянул на свои наручные часы. Маленькая стрелка замерла на цифре «восемь». Как это случилось со мной довольно часто, я попросту забыл завести механизм с утра.

Бросил взгляд на настенные часы; они стояли еще с прошлого месяца – закончился заряд батареек.

Перевел глаза на будильник китайского производства, обладавший поистине таинственным ходом. Он то убежал вперед на полчаса, то отставал ровно на столько же. Сейчас будильник показывал 11.30.

Впрочем, всё это уже не имело значения.

Выстрел Петропавловской пушки – вот истинный питерский эталон точного времени!

А это означало, что я катастрофически опаздываю на встречу, и на сборы у меня остаются считанные минуты.

Одевшись в спринтерском темпе, я бросился к станции метро.

Круглые настенные часы в вестибюле «Горьковской» показывали 12.20.

Меня по-прежнему не покидало ощущение пережитого «провала во времени».

По эскалатору я бежал бегом, но всё равно опоздал на пару минут.

Естественно, моего делового партнера, этого фанатика пунктуальности, на месте предполагаемой встречи уже не было. Значит, ушел, эх! Что я теперь буду делать?!

В самом минорном настроении я отправился на работу.

И уже там, к своему непередаваемому изумлению, узнал, что полдень-то еще не наступил!

Вскоре выяснилось, что в тот день, 27 марта 1995 года, Петропавловская пушка по ошибке выстрелила не в полдень, а в 11 часов утра. Редчайший случай!

Вообще, когда привыкаешь к какому-либо явлению, которое протекает изо дня в день с предписанной регулярностью, то о возможности сбоя даже мысли не возникает.

Вот и в моей голове не проблеснуло той элементарной догадки, что пушка может выстрелить не в свое урочное время. Поэтому я не поверил своим внутренним часам, которые упорно подсказывали мне, что не должно быть никакого «провала во времени». Психологически я настолько верил в непогрешимость «пушечного эталона», что, даже оказавшись в вестибюле метро, воспринял показания стрелок выверенных настенных часов, как 12.20., хотя они ясно показывали на час меньше. Как говорится, не верь глазам своим!

Увы, в тот день выстрел сигнальной пушки оказался вдвойне холостым.

На встречу я всё равно опоздал, впрочем, особых послед-

ствий это не имело.

Тогда же я отметил этот случай в своем дневнике, так что никакой путаницы с датами здесь нет.

Но вот загадка: с той поры мой «внутренний хронометр» окончательно вышел из строя, я утратил свой дар угадывать, «который теперь час».

Живу я теперь в другом районе города, где выстрел нашей сигнальной пушки, хоть и слышен, но не так громко.

Но если удастся уловить далекий хлопок, я всегда стараюсь удостовериться, что он не был преждевременным. И никогда не забываю завести к этому моменту все часы в доме.

Такой вот «парадокс времени»!

Ночная поездка на паровозе

Около двух часов ночи сеньор Дубровин сошел со скорого поезда на перрон узловой станции Рузаевка. Последний раз он приезжал в эти края четыре года назад, на похороны отца. Тогда же обещал матери навещать ее чаще, да всё время находились какие-то срочные дела. Но вот, наконец, выбрался.

От Рузаевки до конечного пункта его путешествия – города *Саранск* – предстояло ехать еще тридцать километров. Однако первая электричка уходила лишь в шесть утра.

Крохотный зал ожидания был переполнен. Поздние пассажиры дремали даже на подоконниках.

Дубровин вышел на площадь и огляделся. Ни одной машины! Что же делать?

Тут ему вспомнилось, что сбоку от вокзала расположен уютный скверик со скамейками. В эту теплую летнюю ночь там вполне можно было скоротать несколько томительных часов. Притом Дубровин, если честно, чувствовал себя не в своей тарелке. Дальняя дорога утомила его, а главное, на сердце лежала какая-то смутная тревога, которую никак не

удавалось унять.

Увы, скверик был огорожен глухим забором. Однако две крайние доски легко раздвинулись. Проникнув внутрь, Дубровин увидел штабели бетонных плит и кучи разрытой земли. Но скверик за ними сохранился почти в неприкосновенности. Дубровин удобно расположился на скамейке: ну вот, теперь можно передохнуть. Но откуда эта неумная тревога, которая всё усиливается?

Он огляделся. Невдалеке на бетонном постаменте стоял старый паровоз. По правую руку замер в напряженной позе гипсовый горнист. Когда-то была мода на подобные скульптуры, у которых почему-то быстро отваливались локти, носы и прочие выступающие детали. Но этот горнист выглядел вполне сносно. Чуть дальше из земли поднимались резные деревянные фигурки-бревнышки. Одна из них изображала усатого витязя в остроконечном шлеме, опирающегося на обоюдоострый меч. Вторая – чародея с длинной бородой.

У Дубровина возникло странное ощущение, что фигуры пристально наблюдают за ним. Наваждение... Нет, с ним и вправду творилось что-то неладное. Не лучше ли попытаться вздремнуть? Он закрыл глаза.

Легкий шум заставил его встрепенуться.

Перед ним стоял Гипсовый Горнист.

– Вставай! – строго сказал Горнист. – Труба зовет!

– И свет далекой звезды! – поддакнул Чародей, оказавшийся рядом.

– Небылица в лицах, небывальщина, небывальщина да неслыхальщина, – речитативом произнес Витязь, винтом выкручиваясь из земли.

Как позже припоминал Дубровин, он не испытывал ни удивления, ни страха. Всё происходящее казалось естественным.

– Мы пришли сообщить тебе, что твоя мама умирает, – возвестил Чародей. – В эти минуты она думает о тебе. Ее мысли кружат у твоей головы, но ты не выпускаешь их в сердце.

– Отчего же она не постучит к соседке, тете Лиде? Та вызовет «скорую» – пролепетал Дубровин, сразу и безоговорочно поверив необычным собеседникам.

– Она не в силах постучать, – ответил Чародей. – У нее,

как и у тебя, в запасе всего полчаса.

Дубровин пружинисто вскочил на ноги:

– За полчаса не успеть!

– Успеем, – сказал Горнист. – Садись! – И добавил: – На паровоз!

Тут Дубровин заметил, что из трубы старого локомотива валит дым, а сам он пытит, как живое существо.

В какую-то минуту вся необычная компания оказалась в кабине.

Витязь выхватил меч и принялся молниеносно вращать им в воздухе.

– Что он делает? – спросил Дубровин.

– Отгоняет посланцев тьмы, – пояснил Чародей. – Иначе мы не сможем покинуть Рузаевку.

Но вот Витязь опустил меч.

– Путь открыт! – Горнист поднес к гипсовым губам горн

и заиграл.

Паровоз вдруг оказался на рельсах и помчался вперед. Скорость бешено нарастал. Вот и ветка на *Саранск*. Искры летели вокруг, рассекая тьму ночи.

Впереди показался движущийся яркий огонек. Дубровин сообразил, что это встречный, и тут же вспомнил, что на *Саранск* ведет единственная колея.

– Эй! – крикнул он. – Мы столкнемся!

– Не суетись! – молвил Чародей. – Звезды нынче расположились благоприятно.

До столкновения оставались считанные секунды.

Р-раз! Они сошлись!

Свистел ветер, вздымая травинки и листья, стучали колеса – и только! Старый паровоз свободно проникал сквозь рефрижераторы и цистерны, как будто те были из воздуха.

– Колдовство? – смахнул со лба холодный пот Дубровин.

– Чистая физика! – рассмеялся Чародей. – Просто вы,

смертные, еще не познали ее основополагающих законов.

Грохочущий товарняк остался позади. А может, его и не было? Дубровин выглянул в окошко. Состав, освещенный луной, мчался, как ни в чем не бывало, в сторону Рузаевки.

– Вперед! – повторил Горнист, зорко вглядываясь в даль. – Только вперед!

Витязь задумчиво поглаживал усы. Чародей дирижировал топкой. Паровоз несся, словно стелясь над рельсами.

Из-за очередного поворота показалась россыпь огней. *Саранск!*

– Показывай дорогу!

– А рельсы?

– Неважно!

И вот уже паровоз несется по спящему *Саранску*.

Кирпичная двухэтажка, в которой прошло детство Дубровина...

– Здесь...

Паровоз мягко остановился у штакетника.

– Пойдем вместе, – объявил Чародей. – Мы должны быть уверены, что не опоздали.

Площадка второго этажа. Но ведь дверь, наверняка, заперта изнутри на ключ и стальную задвижку, в отчаянии сообразил Дубровин.

– Погоди... – Чародей мягко отстранил его. – Против замков и запоров есть хорошее заклинание... – Он огладил свою бороду и что-то прошептал. Дверь распахнулась сама.

Дубровин вихрем ворвался в комнату.

Мама недвижно лежала на диване, ее глаза были закрыты. На полу валялись какие-то таблетки.

Чародей взял ее левую руку и принялся водить по ее ладони своим сухим пальцем.

– Успели в самый раз, – прошептал он. – Теперь я спокоен за нее.

Дыхание матери стало ровнее. С улицы донеслись звуки горна.

– Труба зовет, – усмехнулся Чародей. – Ну, нам пора. Собственно, дело сделано. Твоя мама будет жить еще долго. Но сейчас ей нужен отдых. Я погрузил ее в целебный сон. Думаю, после всех треволнений сегодняшней ночи выспаться следует и тебе. Иди в соседнюю комнату, ложись и не думай ни о чем плохом, – он выставил вперед сухие ручонки.

* * *

Дубровин встрепенулся. До чего же крепко он уснул! Неужели прозевал электричку?! Но... Самое удивительное заключалось в том, что он проснулся не на скамейке в при вокзальном скверике, а на чистой постели, в маминой квартире!

С кухни доносился звон посуды.

Мама хлопотала у плиты.

– Мамочка! – он бережно обнял ее и расцеловал.

– Сыночек... – на ее глазах блеснули счастливые слезы. – Как я рада! Но, знаешь, что-то странное произошло со мной.

Ночью вдруг прихватило сердце, а после я уснула, да так крепко, что даже не слышала, как ты вошел. – Она встревожено посмотрела на него: – Вот только одного не пойму, Виталик, как же ты попал в дом? Неужели я забыла запереть дверь?

– Дверь мне открыл добрый волшебник, – сощурился он.

– Хорошо, если так, – вздохнула она.

Дубровин до сих пор размышляет об этом загадочном происшествии. Чаще всего он приходит к выводу, что усталость и тревога ввергли его психику в особое состояние, когда он действовал «на автопилоте». До *Саранска* добрался, очевидно, всё же на машине, а может, и на утренней электричке, но сама дорога следом стерлась из памяти. Вероятно и то, что мама в ожидании гостя оставила дверь открытой.

Но стоит ему оказаться вблизи какой-нибудь скромной скульптуры или резной деревянной фигурки, как летние воспоминания принимают совершенно иной характер. И тогда в нем пробуждается уверенность, что всё это – ожившие персонажи, паровоз, прохождение сквозь грохочущий товарняк, волшебное исцеление мамы – происходило в действительности, что чудеса в этом мире – не такая уж редкость.

А его мама, между прочим, по-прежнему здорова и чувствует себя прекрасно.

Петля времени в проходном дворе

В Лондоне вот уже на протяжении полутора веков действует Британское Королевское метапсихическое общество, которое кропотливо собирает со всего света факты о путешествиях во времени, о проникновении прошлого и будущего в настоящее, о появлениях призраков давно умерших людей, о видениях исторических сцен...

Наверняка, энтузиастов этого общества заинтриговал бы случай, произошедший совсем недавно с петербуржцем Юрием Гусельниковым, менеджером небольшой торгово-закупочной фирмы.

О загадочном происшествии рассказывает сам Гусельников.

– Настроение в тот день у меня было взвинченным, хотя по натуре я человек уравновешенный. Но ведь у каждого случаются моменты, когда внутри всё так и клокочет! Вот и на меня накатило. Я двигался проходными дворами в центральной части Петроградской стороны. Человеку, незнакомому с этим районом, здесь легко заблудиться. Но я-то знал маршрут назубок – жил тут в детстве вместе с родителями, а в последний период часто навещался сюда по работе.

Отрезок пути пролегал под тремя длинными арками, уступом расположенными одна за другой и разделенными

мрачноватыми дворами-колодцами. Именно во втором из этих дворов протекало мое детство.

В тот момент, когда, миновав вторую арку, я вошел в свой бывший двор, навстречу мне из третьей арки вышел мальчуган лет двенадцати. Других людей поблизости не было, хотя этим коротким путем обычно пользуются многие прохожие. И вообще, как ни был я взвинчен, но краешком сознания всё же уловил какую-то абсолютную звенящую тишину, воцарившуюся вокруг.

Мальчишка остановился в трех шагах, уставившись на меня. Он словно ждал чего-то. Совершенно незнакомый мне пацан.

Невольно я окинул его беглым взглядом. Он всхлипывал, шмыгая носом-кнопкой. Слезинки катились из его светлых глазенок, оставляя влажные полоски на чумазых щеках, усеянных россыпью веснушек. Что-то в его облике подсказывало, что паренек служит объектом постоянных издевок со стороны некоего малолетнего мерзавца. Похоже, очередная обида переполнила чашу терпения, и детская натура не выдержала, запротестовав единственно доступным ей способом. Эх, сколько таких пареньков вокруг...

Я двинулся дальше и через пару секунд забыл о мальчишке. Мне показалось, что противоположный конец арки НЕ ПРИБЛИЖАЕТСЯ. С каждым моим шагом он словно бы отодвигался ровно на столько же. Более того: его очертания вдруг заструились в каком-то зыбком мареве. А затем будто

молния беззвучно разорвалась передо мной.

Ослепительно ярко я увидел себя двенадцатилетним мальчишкой, бредущим в слезах вот под этой самой аркой. Лишь несколько минут назад мой мучитель – школьный хулиган Колька Луцый оставил, наконец, меня в покое. Я боялся его до мурашек в глазах. Хотя он не был амбалом. Как раз наоборот – довольно хилый, сутулящийся пацан со смешными оттопыренными ушами. Но у него имелся кнопочный нож, на рукоятке которого было выжжено раскаленным гвоздем: «Колян Луцый. Бойся меня!» Луцый похвалялся, что уже ударил им шестерых. Мол, я буду седьмым, если начну выкаблучиваться. Этот нож навел на меня священный ужас. И Луцый знал это. Поначалу он просто страшил и унижал меня, а затем обложил данью, забирая все деньги, что давали мне родители на мороженое и кино. Причем, эти деньги отнимал не сам Луцый, а один из его подручных, такой же запуганный бедняга, как и я. Затем награждал меня подзатыльником. Под надзором Луцего, которого всё это веселило. Вот этот подзатыльник, совсем не сильный, был для меня обиднее всего.

На улице я еще сдерживался, но когда вошел под полутемную арку, слезы хлынули градом. Мне казалось, что власть Луцего и его шестерок будет надо мной вечно. Вот если бы сейчас, немедленно, кто-нибудь большой, умный, сильный появился рядом, погладил меня по голове и сказал бы: «Ничего-ничего, Юра, не бойся, я научу тебя, как победить

страх!»

И тут из противоположной арки вышел мужчина, именно такой, какого я ждал: большой, умный, внушающий доверие. Не стыдясь своих слез (ведь тот всё поймет!), я остановился и умоляюще посмотрел на него: дяденька, помоги!

Но «дяденька» скользнул по мне равнодушным взглядом и прошел мимо...

Было это четверть века назад.

И вот сейчас, под темной аркой, сумасшедшая мысль обожгла меня: тогда, мальчишкой, я встретил в проходном дворе самого себя, но только взрослого! А сегодня я, взрослый Гусельников, встретил в том же дворе себя-мальчугана, униженного и жаждущего справедливости! И тоже прошел мимо!

«Так помоги же ему! – кольнуло изнутри. – Может, еще не поздно!»

Круто развернувшись, я вылетел во двор. Здесь было пусто. Но я-то знал, где искать паренька!

Едва я вбежал в подъезд, как тремя этажами выше хлопнула дверь. Я рванулся по лестнице на этот звук и на следующей площадке столкнулся с подростком. Но это был не Юра. Передо мной стоял шалопай с большими оттопыренными ушами и нагло-хитроватым прищуром. Луций! Как же было его не узнать!

Воспоминания о его издевках так ярко ожили во мне, что, не сдержавшись, я схватил крысенка за ухо и принял-

ся нещадно трепать его, выговаривая: «Слушай внимательно, маленький негодник! Еще раз тронешь Юру Гусельникова хоть пальцем, я тебя найду из-под земли и оборву твои уши, понял?! Знай, я его старший брат и отныне всегда буду защищать его!»

Нагловатое выражение на его рожце быстро сменилось животным страхом. И вот этого трусоватого наглеца я боялся?!

«Ну-ка, выворачивай карманы! – прикрикнул я. – И помни крепко вот еще что: никакой дани ты отныне не получишь! Ни от кого!»

Наградив его от души прощальным подзатыльником, я бросился наверх и затарабанил в дверь своей бывшей коммуналки, которая, судя по интерьеру подъезда, так и оставалась коммуналкой.

На мой стук открыл какой-то неопрятный тип с челочкой, обдавший меня сивушным запахом. Взгляд у него был недобрый, чтобы не сказать злой. Что-то неуловимо знакомое чудилось в его облике.

– Чего надо?

– Юру... Юру Гусельникова!

– Здесь такой не проживает! Ошиблись адресом! – и он захлопнул дверь у меня под носом.

В последний момент он повернул голову, и я успел заметить, что у него нет... уха! Это был Луцый – сегодняшней Луцый, мой ровесник! Но почему он здесь?! Ведь Луцый ни-

когда не жил в нашей коммуналке!

Еще какое-то время я тарабанил в дверь, но никто мне так и не открыл.

Оказавшись на улице, я осмотрел трофеи, которые в запальчивости отобрал у Луцего-подростка. Там было 60 рублей советского образца (немалые деньги по тем временам, да еще для школьника), колода карт порнографического характера, всякие безделушки, а главное – кнопочный нож с неровной надписью на рукоятке: «Колян Луцый. Бойся меня!» Вот этот нож. Он-то и убеждает меня, что всё случившееся – не сон.

Через два-три дня я навел некоторые справки.

Луцый никогда не проживал в моем бывшем доме. Он по-прежнему был прописан по старому адресу. Копать эту историю дальше я не стал. Молодой ли, старый – Луцый был мне глубоко апатичен. Каким ветром его занесло уже сейчас в нашу бывшую коммуналку, не знаю. Где и когда он лишился уха, понятия не имею.

Но вот что еще вспомнилось из школьных лет. Начиная с какого-то момента, Луцый-одноклассник вдруг отстал от меня. Резко. И даже как бы стал обходить меня стороной. Лишь поглядывал издали с затаенной злобой. Такая перемена в нем всегда оставалась для меня загадкой. Но сейчас я, кажется, нашел ответ. Правда, всё это очень странно...

Назвать точный адрес, где всё это произошло, Гусельников отказался наотрез. Он действительно не хочет продол-

жения этой истории. Ни в каком виде. По той же причине просил вывести его под вымышленной фамилией. При этом высказал предположение о петле времени, в которую угодил, пересекая старый двор-колодец.

Необходимо, однако, сделать уточнение: петля времени оказалась двойной, втянув в свою «восьмерку» и антипода Гусельникова – Луцего.

Загадка времени – одна из самых непостижимых загадок мироздания. И британцы поступают весьма дальновидно, собирая в свою копилку разрозненные факты. Чем больше данных об этом феномене будет накоплено, тем ближе мы подберемся к осмыслению его природы.

Белый спелеолог

Его шаги то грохочут рядом, то замирают вдалеке, но он неизменно преследует всякого, кто самостоятельно наведывается в любую из десяти саблинских пещер под Петербургом. "Белый спелеолог" – это отнюдь не бесплотная тень, преследующая нарушителей спокойствия обитающего здесь духа погибшего в обвале исследователя. "Белый спелеолог" наводит порядок и сурово наказывает вошедших в подземные лабиринты шалунов и хулиганов.

Полтора года назад 16-летний парнишка решил поплутать по десятикилометровым лабиринтам пещеры "Штаны", где, кстати, находится могила "Белого спелеолога". Невидимый хозяин пещеры заманил юношу в самый дальний коридор и напустил на него смертный холод. Только спустя неделю большая группа спасателей нашла полумертвого сорванца и извлекла его на свет Божий. Еле-еле откачали. После этого происшествия над могилой "Белого спелеолога" появилась страшная надпись: "Отмщение ждет всех!"

– Всех ли в самом деле посетителей Саблинских пещер ждет возмездие "Белого спелеолога"? – спрашиваю у известного знатока пещер России и СНГ геолога Юрия Сергеевича Ляхницкого. – И кто вообще этот "Белый спелеолог"?

– Много лет назад, – рассказывает Юрий Сергеевич, –

некий господин решил в одиночку исследовать пещеры. Дело было зимой, когда входы в подземные полости покрыты сплошной наледью. Горе-спелеолог поскользнулся и поехал вниз на огромной скорости. Ударившись головой о стенку катакомбы, он сломал себе шейный позвонок и мгновенно погиб. Неведомо, кто похоронил его в подземной галерее пещеры "Штаны" и поставил на могильном холмике крест. С той поры дух "Белого спелеолога" витает по всем пещерам. Не проходит и недели, чтобы кто-то из подростков не терялся в их бесконечных лабиринтах. Однако, несмотря на неминуемую опасность, пещеры постоянно посещаются далеко не лучшими представителями человечества. Саблинские пещеры стали местом сборищ наркоманов и токсикоманов, в старинных катакомбах справляют дикие обряды сатанисты и дьяволисты, хулиганы нападают на спелеологов и школьников-экскурсантов. Но этому скоро будет положен конец!

– Их накажет "Белый спелеолог"? – переспрашиваю Ляхницкого.

– На него одного уповать не следует, – отвечает Юрий Сергеевич. – Хотя от "Белого спелеолога" исходит вполне конкретная и нешуточная угроза. Мы вовсе не хотим несчастий и смертей в подземельях от рук их всесильного хозяина. Поэтому-то и работает здесь уже несколько лет наша бригада.

Что же представляет из себя бригада Юрия Ляхницкого? Это спелеологи из Горного института, Санкт-Петербургско-

го университета, Всероссийского геологического института.

В районе Саблино, вдоль реки Тосны, уже больше 150 лет известны минимум 10 пещер. Все они искусственного происхождения и образовались вследствие добычи на берегах Тосны прекрасного кварцевого песка для стекольных заводов. В 1924 году отсюда ушел последний рабочий, и после этого над пещерами стала трудиться сама матушка-природа. Стены их образуются белым и красным песчаником, а своды порой состоят из зеленого глауконитового известняка, что делает их необыкновенно живописными. Левобережная пещера богата подземными озерами глубиной до трех метров и площадью во многие сотни квадратных метров.

Живая достопримечательность Саблинских пещер – колонии зимующих здесь летучих мышей аж шести видов. Их, оцепеневших и беспомощных в зимней спячке, безалаберные подростки хватают руками, бросают оземь, убивают. Этого не следует делать ни в коем случае, ибо летучие мыши, живущие в Ленинградской области, являются разносчиками возбудителей смертельного заболевания – бешенства!

Саблинские пещеры, возникшие искусственно, волею Творца стали естественными уникальными образованиями. Именно благодаря Саблинским пещерам родилась Петербургская школа спелеологии. Здесь проходят практику школьники, студенты-геологи и географы. Помимо пещер, на реках Саблинка и Тосна имеются единственные в области водопады, глубокие каньоны, живописнейшие долины, денд-

ропарк. Места эти издавна обитаемы славянами, а великий князь Александр Ярославич стоял здесь лагерем накануне Невской битвы. Всего на территории в 200 гектаров – более 30 природных и исторических памятников. Их необходимо сберечь и для себя, и для потомков.

Четыре года назад бригада спелеологов начала работы по созданию Саблинского геозоологического заказника. Ученые провели соответствующие изыскания, исследовали пещеры, выявили скрытые полости, установили гидрологический режим. Потом был разработан проект заказника, а это – и музей, и укрепление сводов пещер, и планирование туристических экскурсий.

Пещеры – это особый, ни с чем не сравнимый мир. Нередко даже кратковременное посещение этого мира подростками вызывает в них желание лучше знать природу, в результате они начинают серьезнее относиться к учению, много читают и нередко становятся геологами, географами, историками, археологами, краеведами. Поэтому Саблинские пещеры надо максимально приспособить для безопасных познавательных экскурсий. А сегодня становится не по себе от того, что некоторые организации, не проконсультировавшись с природоохранными организациями, проводят работы над полостями пещер. Например, провели коллектор к Никольским очистным сооружениям, по которому потекли нечистоты. Коллектор, как это часто бывает, потек, и канализационные сбросы проникли в пещеру. Дыры кое-как залатали, но

в следующую аварию может произойти даже обвал! Значит, необходимо укрепить трассу над полостями пещер, где проходит коллектор, хотя в идеале его следует отвести в сторону. Но на это нужны немалые деньги. Необходимо найти их, ибо пещеры, коли они обрушатся, не восстановить никакими силами.

– Что же тут бездействует "Белый спелеолог"? – спрашиваю у Ляхницкого.

– Он отнюдь не бездействует, – возражает мой собеседник. – Во многих уголках пещер он повысил на два порядка выше допустимой нормы концентрацию радона, а это значит, что час пребывания в такой зоне чреват почти смертельным заболеванием. Но "Белый спелеолог" контролирует пещеры только внутри. Снаружи тоже должен быть хозяин, чтобы не случилось беды.

История на ночь

Как известно, литературное произведение современной классики – роман «Мастер и Маргарита», вышел в середине 70-х годов. И сразу же – как по волшебству стал настоящим бестселлером.

Неслучайно журнал «Москва», в котором он был опубликован, подпольно размножался ротапринтным способом в разных учреждениях и всевозможных НИИ. У книжных барыг «новинка» стоила ошеломляющих денег. А когда роман, наконец-то, вышел отдельным изданием – его невозможно было приобрести. Читатели за много месяцев вперёд записывались на «Мастера и Маргариту» в очередь в библиотеках. Широко оказался и географический диапазон «не горящей рукописи».

Издатели на всём необъятном пространстве СССР, чтобы поправить свои финансовые возможности, буквально выклянчивали у всесильного Госкомиздата страны разрешения на «публикацию Булгакова».

Не остались в стороне и лихие перья переводчиков... Ещё бы! Как упустить такую возможность заработать лёгкие и надёжные деньги – по тем временам вполне приличные?! Книгу стали переводить на «самостийные» языки во всех постсоветских республиках. Эхо благодатного книжного бума до-

катилось и до далёкого Ташкента.

В те годы я работал редактором в издательстве художественной литературы и искусства им. Гафура Гуляма.

Директор издательства, видный писатель, певец соцреализма, Хамид Гулям поручил перевести роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита» на узбекский язык известному переводчику Мирзиёду Мирзаидову. Мирзиёд работал редактором в «Редакции литературы народов СССР». Переводчиком он считался отменным, русским владел прекрасно. В творческом активе у него уже были переведённые им романы Катаева, Ильфа и Петрова, Олеси... Поэтому за порученное дело Мирзаидов принялся с удовольствием. Сначала работа пошла ровно, без сучка и задоринки. Но чем глубже он уходил в произведение, в образы героев, тем становился задумчивее, раздражительнее... Куда только девалась былая весёлость Мирзаидова?! Иногда, встречаясь в коридоре, он спрашивал меня значение той или иной фразы, слова... Работа над переводом явно застопоривалась. На вопрос коллег: «Как идут дела?», Мирзаидов неопределённо махал рукой. Некоторые из близких друзей просили дать почитать уже переведённые главы, но он вполне резонно и по-восточному оправданно отвечал: «Половину работы не показывают».

А вскоре Мирзиёд заболел. У него стала барахлить печень. Он всё чаще стал находиться на больничном, болеть... А однажды в издательство пришли родственники и сказали, что Мирзиёда не стало.

И – странное дело! Вместе с его уходом пропали переведённые главы романа. Их не нашли ни в рабочем столе Мирзаидова, ни дома. Но никто из сотрудников и родных не обратили на эту деталь серьёзного внимания... Стало быть, мало ли что могло произойти. (Тем более что подобные примеры в истории литературы были – взять, хотя бы Гоголя).

Пришлось Хамиду Гуляму перепоручить важный заказ другому редактору и переводчику Низамеддину Камилову. Он тоже принялся за «выигрышную работу» с большим душевным подъёмом. Взял для этого даже творческий отпуск. Перевёл половину романа и... какой-то поникший, с впалыми глазами, вернулся на работу. Перевод почему-то дальше не задался. Низамеддин явно чем-то был встревожен, даже удручён. Ему не давала покоя глава «Бал у сатаны»... И – что же? Как-то сотрудники редакции, вернувшись после обеденного перерыва, не застали Камилова на привычном месте. Он обычно обедал на работе, за своим столом. Зато за открытым окном четвёртого этажа в издательском дворике слышались громкие и тревожные голоса, раздавалась сирена скорой помощи... Мы выглянули вниз и увидели возле клумбы с цветами на асфальте фигуру Низамеддина с раскинутыми руками. Его окружали типографские работники и врачи в белом.

До нас не сразу дошло, что пока мы находились в столовой, Камилов выбросился в окно. Что послужило тому роковой причиной, никто не знал. Ни на работе, ни дома... Пе-

реведённые главы, как и в первом случае, нигде не нашли. Словно роковые странички в воздухе испарились!

Теперь сотрудники с какой-то скрытой опаской стали обходить кабинет №26 с табличкой «Редакция литературы народов СССР», называя её по-булгаковски «нехорошей комнатой».

Хамид Гулям уже, было, решил приостановить затею с переводом «злополучного» романа, но тут один из редакторов-переводчиков Исмаил Ахмад ДОБРОВОЛЬНО вызвался довести начатые попытки перевода до логического завершения. Это поистине мужественное заявление заметно приободрило директора-писателя, и он дал очередное добро на перевод...

Увы, дорогой читатель, не буду томить тебя долгой фобулой. Ты, наверное, и сам уже догадался, что произошло дальше... Да, да, Ахмад почти перевёл роман, осталось всего-ничего, каких-то две-три завершающих главы и переводчик, предвкушая успех, уже потирал ладони: «А, каково?! Всё равно я перехитрил шайтана».

Рано радовался, бедняга...

Через несколько дней на одной из трамвайных остановок Исмаила сразил обширный инфаркт. Хорошо, что рядом оказались добрые люди, успели подхватить его под руки, а то угодил бы прямо под трамвай, как Берлиоз... Скорая прилетела незамедлительно, но всё равно уже было поздно.

А что же роман? Перевод Ахмада, как вы уже догадывае-

теть! – так нигде и не нашли. Поистине чертовщина – только на восточной почве.

... Кабинет же под №26 полностью опустел. Никто из сотрудников не захотел переселяться в освободившуюся «нехорошую комнату», хотя и просторную. Так и пришлось завхозу переоборудовать её в архивное помещение – рукописей, личных дел сотрудников, бухгалтерских бумаг... Здесь им оказалось самое место.

Фантомас

В кабинете Фантомаса было холодно".

Я написал это предложение, поднял голову от тетради и стал смотреть в окно. За стеклом ничего интересного не было – всего лишь кирпичный фасад студенческой общаги напротив да мелкая снежная крупа, сбиваемая порывами ветра наискосок.

Я понимал: рассказать кому-нибудь произошедшее со мной было бы гораздо проще, чем пытаться записать этот фантастический, совершенно невероятный случай на чистых страницах новенькой тетради, но рассказать не мог – мне бы никто не поверил, – да и разглашать чужие секреты я не имел никакого права. С другой стороны, не высказаться, оставить все, как есть, тоже не мог, слишком мучительным для меня самого стало бы такое молчание. Я должен был, я обязан был поверить тот случай хоть листу бумаги, чтобы излиться, не хранить в голове все, что мучило, не давало спать по ночам.

Вот почему я сидел теперь в своей комнатенке, страдал в поисках нужных слов и смотрел в окно. Потом все же пере-силил себя и стал писать.

"Прежде всего: кто такой Фантомас. Фантомас – это наш преподаватель по высшей алгебре, доцент Евгений Михайлович Кудрявцев. Словно в насмешку, он лыс, совершенно лыс, настолько лыс, что кажется, будто на его голове волосы никогда не росли. Он высок, подтянут, лицо его совершенно непроницаемо, глаза строгие. От него не стоит ждать ни малейшего снисхождения к нашему брату студенту.

На лекциях его стоит гробовая тишина. Малейший посторонний шорох, он – зырк глазами, и все, все! Не разгуляешься. Но предмет он знает. А как оформляет доску! Это поэма Пушкина, ей-богу.

Вот он входит в аудиторию, и первым делом проверяет, насколько хорошо она вытерта (доска, разумеется). Нам после одного единственного скандала больше повторять не надо, поэтому влажная, чистая, аккуратно сложенная тряпочка всегда наготове, доска блестит, но мела нет. Так положено – мел он приносит свой. Он у него особый, мягкий, тонко заточен и никогда не крошится. Где он такой берет никому не известно.

Он начинает говорить и одновременно создавать очередной шедевр – работает с доской – буква к буквке, формула к формуле; таблицы рисует от руки, точно, красиво, как

художник.

Но вот доска заполнена, больше места нет, а стирать жалко, да мы и не успеваем за ним. Тогда он переходит к стене и начинает писать на панелях, благо они в аудитории высокие, и покрашены синей масляной краской. Здесь уже нет той четкости, но мы терпим, всматриваемся, а потом на перемене гурьбой кидаемся к стене и переносим в конспекты бесконечные формулы и примеры.

Мало кому удастся сдать ему зачет с первого захода. Мне не удалось. В тот день я шел сдавать в третий раз, но на дом к Фантомасу был приглашен впервые. У него была такая привычка, приглашать хвостистов домой, особенно общежитейских.

Итак, я пришел к Фантомасу, поднялся в лифте на девятый этаж, остановился перед обтянутой дерматином дверью, нажал кнопку звонка. "Бим-бом" – отозвалось в квартире, а следом послышались шаркающие шаги. Дверь открыла маленькая старушка, беленькая, чистенькая, с морщинистым улыбчивым лицом.

– А-а, студент, – тонко пропищала она, – заходи, заходи, пальто не снимай, на плечи просто накинь, у нас холодно, и шагай прямо на кухню, вон в ту дверь. Евгений Михалыч

велел чаем тебя напоить. Перед экзекуцией, значит.

Я даже не понял сходу, кто такой Евгений Михалыч, по-мрачение нашло. Потом сообразил, да это же наш Фантомас!

– Смелей, смелей, – подбадривала меня старушка, – не стесняйся. Перед боем оно подкрепится не грех. Это тебе с улицы кажется, что тепло... Как холода, так у них непременно что-то ломается. Говорят, у соседей трубу прорвало, третий день без тепла сидим. Чайком изнутри прогреешься, оно веселей покажется.

Хотел ей сказать, мол, веселей покажется, если сдам зачет, но промолчал.

Пальто я все-таки снял (на мне был толстый шерстяной свитер) и прошел на кухню, а старушка стала хлопотать у стола. Налила в чашку крепкий чай, не спрашивая, надо – не надо, бухнула в нее четыре ложки сахара, придвинула тарелку, закрытую салфеткой, сдернула ее. Под салфеткой оказались уложенные горкой пирожки, как выяснилось потом, с капустой.

Я обратил голодный взор к пирожкам (они были так румяны, так соблазнительно пахли!), а когда огляделся – старушки на кухне уже не было.

"Есть или не есть?" – раздумывал я, и чуть не рассмеялся вслух. Выходило, как у шекспировского Гамлета – "быть, или не быть", я этот монолог когда-то читал на вечере в школе. Потом решился и взял один пирожок.

Пирожок мне понравился чрезвычайно. Тесто нежное, а начинка из свежей тушеной капусты чуть сладковатая и необычно ароматная. Я разохотился и взял второй. После третьего решил, что четвертый брать неудобно, застыл на стуле и стал ждать.

Горячий чай и вправду согрел меня изнутри, уже не таким холодным стал казаться остывший за три зимних дня воздух кухни. Прошло несколько минут. Я хотел подняться и идти без провожатого в лице симпатичной старушки навстречу судьбе, но тут дверь медленно, с легким скрипом отворилась, и Фантомас собственной персоной застыл на пороге.

– Прошу вас, – слегка наклонил он голову и сделал рукой приглашающий жест.

Я поднялся и как ягненок, предназначенный в жертву богам, отправился вслед за ним по коридору, затем направо через открытую дверь в просторный кабинет.

В кабинете было еще холодней, чем на кухне, я даже пожалел об оставленном в прихожей пальто. Фантомас усадил меня в деревянное кресло с прямой спинкой, за широким письменным столом, стоявшим почему-то торцом к окну и как бы делившим комнату надвое. Затем он положил передо мной лист бумаги. Вверху на листе, его четким красивым почерком было выведено два задания – теоретический вопрос – теорема Бине-Коши и пример.

– Вот, пожалуйста, – сказал он, нависая надо мной, как Пизанская башня, – во времени я вас не ограничиваю. Конспект, если он у вас с собой, дайте мне.

Разочарованный и опечаленный я задрал свитер, медленно вытащил из-за пояса угревшуюся на животе тетрадь и протянул Фантомасу.

– Готовьтесь, соображайте, – с этими словами он вышел из кабинета.

Должен сказать, это его словцо навязло у всех на зубах. Бывало, выводит на доске формулу, тычет пальцем, потом оборачивается к нам, смотрит холодными глазами: "Соображайте! Соображайте!"

Собственно говоря, "соображать" было нечего. Мгновен-

ного взгляда на листок с заданием было достаточно, чтобы понять – провал неизбежен. Но и сдаваться так сразу я тоже не собрался.

Я перевел дыхание, поежился и, чтобы оттянуть час расплаты, огляделся по сторонам. Сквозь занавеску на окне с высоты девятого этажа виднелось одно лишь зимнее небо, сплошь затянутое серой пеленой, до того унылой и скучной, что от такой погоды внезапного озарения, вдохновения, при моих сумбурных знаниях едва ли следовало ожидать. Прежде, чем взяться за выполнение задания, я сунул руки подмышки, чтобы они согрелись, и оглядел комнату.

Меня поразило обилие цветущих фиалок на подоконнике. Горшков было много, они стояли вплотную один к другому, а махровые цветы и бутоны на круглых сочных листьях образовывали как бы единую клумбу. В моем представлении белые, розовые, сиреневые фиалки, и уже не помню, какие там еще произрастали, были совершенно несовместимой вещью с сухарем Фантомасом. Но тут я вспомнил старушку на кухне и успокоился, скорее всего, это ее хозяйство. И еще мелькнула мысль, а не померзнут ли цветы при таком холоде.

Напротив меня, на стене висела картина. Я не знаток живописи, и не имею понятия, кто ее автор, но она была хороша. Изображен был на ней ясный солнечный день, синее мо-

ре в барашках, наклонно плывущие под надутыми парусами яхты, берег, домики с красными крышами, утонувшие в темной зелени. В картине было много простора, воздуха, мне даже почудилось, будто в комнате запахло соленым морским ветром.

Вокруг картины висело множество мелких рамок, округлых, прямоугольных, с фотографиями людей, но кто был на них изображен, с моего места я не мог разглядеть. И еще я заметил полку, сделанную углом, так, что одна половина ее тянулась по стене в сторону картины, а другая шла в сторону окна и располагалась над стоявшим там креслом. В самой полке не было ничего особенного, но она была сплошь заставлена искусно вырезанными из темного дерева, отполированными до блеска смешными фигурками размером не больше моей ладони. Одни человечки словно застыли в восточном танце, другие, отжимали тяжелые камни, поднимая их над головой, третьи сидели на корточках, но, что особенно интересно, все они были одного роду-племени, и вырезаны явно одной рукой. Как цветы, так и эти фигурки опять же не вязались с обликом Фантомаса.

Сам не знаю, зачем, я обернулся и стал разглядывать самодельный стеллаж, сработанный из тщательно отполированных досок. Он тянулся от двери до угла комнаты, и от пола до потолка был заполнен книгами. Между моим стулом и стел-

лажом было шагов пять, но я сразу обнаружил на средней полке вожаденный учебник по высшей алгебре, поставленный туда словно специально, словно в насмешку надо мной. Я сто раз листал эту книгу, и казалось, выучил наизусть. Подумал и вспомнил – теорема Бине-Коши находится на тридцать четвертой странице. Но толку оттого, что вспомнил, не было никакого.

Я поборол искушение встать и взять со стеллажа учебник и придвинул к себе листок с заданием. К моему великому удивлению с примером я справился довольно легко. Но на теоретическом вопросе застрял намертво. Я не мог вспомнить даже самую формулировку теоремы. Вчера разбирал, зубрил, а сегодня, как отрезало.

Сидел, истукан истуканом, и тупо смотрел на чистый лист бумаги. У меня заledenели руки, душа исполнилась зеленой тоски. Не знаю, почему тоску называют зеленой, но в моем несчастном случае она именно такая и была. И ведь подлость! Метод Гаусса я помнил, теорему Лапласа – помнил, а теорему Бине-Коши – нет! Проклятый Фантомас, он словно заранее почуял, что я знаю, а чего не знаю, чтоб ему пусто было!

Тут за моей спиной неслышно явился неведомо кто, черт, наверно, и стал толкать в бок: "Встань, возьми учебник, от-

крой на странице тридцать четвертой, и ты спасен! Вставай-поднимайся, не трусь, ведь так и так все одно пропадать".

С прижатыми к голове ушами я прислушался. Тишина стояла полная, было такое чувство, словно в квартире никого нет. Я поднялся. Осторожно, не двинув стулом. На цыпочках прошел к двери и прислонился к ней. Нет, за дверью никто не стоял, я не слышал чужого дыхания, только мое сердце билось где-то возле горла, и стук его был единственным звуком, нарушавшим глубокою тишину кабинета, если не считать едва слышного тиканья настольных часов в бронзовой оправе.

Я быстро прошел к стеллажу и протянул руку, чтобы взять книгу, и тут же резко отдернул ее.

Послышались голоса, шаги, дверь кабинета распахнулась, вошла женщина, за ней Фантомас. Конец! Они застали меня на месте преступления возле стеллажа с книгами! Сердце провалилось и ушло в пятку, меня, несмотря на холод, бросило в жар, рубашка под свитером немедленно прилипла к спине, захотелось поднять руку и вытереть со лба пот, но я не смел шелохнуться. Стоял дурак дураком и смотрел на них, как затравленный кролик. Но они не обратили на меня ни малейшего внимания, словно в кабинете никого не было.

Сквозь сумятицу мыслей, сквозь страх, я узнал эту женщину. Она читала лекции по математической физике на старших курсах, я часто видел ее в коридорах факультета.

Теперь, когда я спокойно пишу эти строки, я могу отвлечься от моего тогдашнего жуткого состояния и сказать, что она была необыкновенно хороша собой. Всегда подтянута, одета с иголочки, словно собралась не на лекцию, а в театр; прическа, маникюр – все при ней, все, как говорится, тип-топ, и ни малейшего изъяна в прекрасном, с тонкими чертами, в меру тронутым косметикой лице.

Но в тот момент мне было не до ее красоты и выяснения возраста, хотелось одного, провалиться сквозь пол, аж до заснеженной, скованной морозом земли, испариться, исчезнуть, прекратить существование! Но вот странность, они вели себя так, словно именно это со мной уже произошло.

Она прошла вглубь комнаты, с другой стороны стола, небрежно бросила в кресло элегантную сумочку, сама присела на подлокотник того же кресла, поправила на плечах светлую шубку и обратила к Фантомасу веселое лицо.

– Ну, – с легким вздохом произнесла она, – теперь рассказывай, как живешь. Давно мы с тобой не виделись.

– Да, с тобой давно, – угрюмо подтвердил он, – но я встретился с Иришей.

– Я знаю, она мне говорила, и ты напрасно делаешь это украдкой, в ваших встречах я не вижу ничего дурного. В конце концов, ты – отец, она – твоя дочь.

Я чуть не сел со всего маху на пол! Так-так, выходит эта холеная красавица и лысый Фантомас, сухарь и не улыба были когда-то мужем и женой! Уверен, не только на нашем курсе, на всем факультете об этом никто не знал. Но почему, почему они не гонят меня, совершенно постороннего, из кабинета вон, а оставляют стоять на виду, чуть ли в качестве свидетеля готовой произойти семейной сцены! Ведь не может того быть, чтобы они меня не видели! Не может!!!"

Я поставил три восклицательных знака, отложил ручку, встал с места и подошел к окну. Стоял, прижавшись лбом к холодному стеклу, и смотрел, как одно за другим зажигаются окна в соседнем корпусе. До вечера было далеко, но по зимнему времени сумерки наступили рано. Я стоял и ждал, когда в одном, особенно интересовавшем меня окне загорится свет, но оно почему-то все время оставалось темным, видно обитательница комнаты еще не вернулась домой и сидит где-нибудь у подруг или хозяйничает на общей кухне, гото-

вит скромный ужин, ждет, когда закипит чайник. Я вздохнул, включил свет и вернулся к своей тетради.

"Говорят, чудес не бывает на свете, но, пусть мне никто не поверит, со мною произошло именно чудо. Студент-первокурсник, неудачник и хвостист, остался как бы невидимым для преподавателя, заставшего его на месте преступления. Но прежде, чем приступить к самой невероятной части моего рассказа, я должен постараться подробно обрисовать место события, как говорится, расставить мебель без упоминания всяких там фиалок, картин и деревянных смешных фигурок.

Значит, так. Изначально Фантомас предложил мне сесть за стол, и стол этот был развернут торцом к окну, и стоял как бы посреди комнаты, а от двери, параллельно столу, тянулся стеллаж. Если идти вдоль него, то дальше в углу находился небольшой столик, заваленный бумагами, а возле него – стул. Первые минуты разговора Фантомас провел, стоя у двери. Видно, потом он решил перейти ближе к креслу, на подлокотнике которого устроилась его бывшая жена, а оно-то находилось как раз на противоположной стороне от письменного стола. И Фантомас пошел от двери прямо на меня, как я потом сообразил, за стулом. Отстраниться не успел, я остался стоять у него на дороге столб столбом, без единой мысли, без ощущений. Я ждал мгновения, когда глаза наши

встретятся, но он, будучи выше ростом, смотрел поверх моей головы. Меня сковал ужас, показалось, что именно сейчас, в этот миг, он, наконец, разглядит стоящего перед ним студента, в ярости схватит за шиворот и с треском вышвырнет прочь из дома. Но ничего подобного не произошло.

Момента, когда его тело соприкоснулось с моим, я не почувствовал и поначалу ничего не понял. Он надвинулся, – я не успел отстраниться. Затем он исчез. Ничего не соображая, в каком-то трансе я слегка повернул голову и краем глаза увидел уже позади себя его спину. Потом он взял стул, развернулся и пошел обратно. На этот раз он шел чуть дальше от стеллажа, и только успел задеть мой бок спинкой стула. Она также свободно прошла сквозь меня.

Если попытаться растянуть время и увидеть свершившееся как бы в замедленной съемке, то получится так: сначала стул коснулся моего бедра (я по-прежнему стоял боком по отношению к стеллажу), но я этого прикосновения не почувствовал, а только заметил движение. Затем спинка погрузилась в меня, и я увидел как бы усеченный стул. Затем, он возник снова, но уже с другой стороны, и вот уже Фантомас уносит его, огибает письменный стол, приближается к креслу. Он поставил стул на пол и решительно сел напротив бывшей жены.

О том, что произошло между ними, я расскажу чуть позже, а сейчас я должен постараться передать свои ощущения, рассказать, что я почувствовал в тот момент, когда Фантомас прошел сквозь меня, а после повернул назад и задел стулом";.

Я отложил ручку, зажмурился и стал припоминать. Вот он стоит, как бы ничего особенного не видя перед собой. Как я теперь понимаю, он действительно никого не видел. Я был, и в то же время не был. Затем он прошел сквозь меня и отправился за стулом. Стоп! Я должен был хоть что-нибудь ощутить! Что? Что?! Я снова взял ручку, покрутил ее в руке, затем написал одно единственное слово:

"Ни-че-го!

Я ничего не ощутил. Не пахнуло воздухом, ни один волосок не шевельнулся на моей голове. Ни тепла, ни холода...

Это спустя несколько секунд, когда я сообразил, что со мной произошло нечто из ряда вон выходящее, нечто запредельное, лоб мой покрылся на этот раз ледяным потом, подкосились ноги, и я, чтобы не свалиться на пол, судорожно вцепился в книжную полку. Затем, как ни странно, пришло успокоение. Я шевельнулся, полез в карман, вытащил носовой платок, вытер мокрый лоб и попытался успокоиться. В

голове пронеслась совершенно неуместная, кощунственная мысль: раз они меня не видят, значит так угодно неведомым студенческим божествам, хоть я никого ни о чем не просил. Просто не успел, все произошло слишком быстро.

Либо этот чертов Фантомас обладает какой-то сверхчеловеческой силой... Но я тут же отмел эту мысль – нет, нет, вряд ли. Зачем бы ему понадобилось делать свидетелем его свидания с женой какого-то несчастного первокурсника, и устраивать жуткие фокусы с телекинезом или как оно там называется. А, может быть, что-то произошло со временем, и то, что совершалось теперь на моих глазах, на самом деле случилось раньше. Или позже? Я совершенно запутался.

Итак, я вытер лоб и немного расслабился. Несмотря на то, что я волей-неволей стал как бы невидимкой, мне было неловко смотреть на них. Плечом я подпер стеллаж, повернулся в сторону двери и стал ждать, чем все это кончится. Их голоса доносились чуть приглушенно, поначалу они говорили вполголоса, но все равно я различал каждое слово.

Я хотел, было, попытаться тихонько выйти из кабинета, но вовремя почувствовал, что сдвинуться с места и сделать хотя бы один шаг в сторону не смогу. Мои ноги словно прилипли к полу, словно меня обволокла, окружила со всех сторон странная невидимая капсула.

Волей-неволей я стал слушать, о чем они говорят.

ОНА. ...сам понимаешь, я хочу, чтобы этот разговор остался исключительно между нами. Пожалуйста, сделай то, о чем я тебя прошу.

ОН. Нет.

ОНА. Ах, боже мой, неужели до тебя не доходит, как трудно мне было придти к тебе, неужели даже после унижительной для меня просьбы, ты не можешь пересилить себя и поставить зачет этой дурочке Смирновой!

"Елки-палки, – подумал я, – так вот, зачем она пожаловала! Клянчить зачет для Смирненькой, этому полному "крестику и нолику" на нашем курсе. Уж на что я не звезда факультета, но данный персонаж!.. Интересно, интересно, неужели она уговорит Фантомаса?"

ОН. Если дурочка Смирнова в первую же сессию не смогла сдать ни одного экзамена, ни одного зачета – ей нечего делать в нашей профессии.

ОНА. Если ты согласишься поставить зачет, она сможет взять академический отпуск. Пойми...

ОН. Тебе-то, какая печаль, что ты так за нее хлопочешь, тебе-то какая выгода!

ОНА. Ты прекрасно знаешь, чья она дочь! А впрочем, что от тебя скрывать, – есть и выгода.

ОН. Вот оно что!

ОНА. Именно. Это ты у нас благородный герой и живешь на одну зарплату, а нам с Иришей этого не хватает!

ОН. Я, кажется, помогаю вам. Скажи, сколько вам еще нужно, чтобы ты не наживалась на дурости блатных студентов.

ОНА. Я прекрасно знаю твои возможности, и не могу позволить себе раздеть тебя догола. Все гораздо проще. Скажи, "да", и я больше не буду мозолить глаза и уйду.

ОН. Отчего же, я очень рад тебя видеть.

ОНА. Воображаю. Итак, я жду.

ОН. Я прошу тебя, давай оставим эту тему и поговорим о чем-нибудь другом.

ОНА. Ясно, с тобой все ясно. Ты по-прежнему непоколебимый Кудрявцев, и достучаться до тебя также невозможно как... как до этой доски!

Тут она потянулась через кресло и со злостью постучала костяшками пальцев по крышке письменного стола.

ОНА. Всю жизнь ты делал только то, что тебе нравилось, только то, что доставляло тебе удовольствие. Ты не пожелал защитить даже кандидатскую диссертацию, хотя мог, очень даже мог! Тебе ничего не стоило написать и докторскую при твоих мозгах и знаниях. Но нет... не-ет! И я догадываюсь, почему.

ОН. Интересно знать, почему?

И тут я впервые увидел улыбку на его лице, добрую и немного снисходительную по отношению к сидевшей напротив него женщине.

ОНА. Ты не смог переступить через себя и отвезти в Москву научному руководителю те самые чашки, которые я сама выбрала, купила, упаковала, и которые ты отказался взять из какого-то идиотского принципа. Ты всю жизнь только и делал, что следовал принципам. И ты не поехал, и рабо-

та твоя осталась незавершенной, и карьеру ты так и не сделал, и вряд ли теперь доволен...

ОН. Нет, отчего же. Я вполне доволен своей карьерой. Я люблю свой предмет, своих студентов...

ОНА. Предмет – да, но студенты о твоей пылкой любви к ним даже не догадываются. Ты для них, знаешь кто? Ты для них Фантомас!

ОН. Правда? Они меня так называют? Забавно.

ОНА. Ничего забавного здесь нет! И, возвращаясь к твоей карьере, скажу: ты променял ученую степень вот на эти самые безделушки!

И она обвиняющим жестом указала на полку с деревянными фигурками, потом вскочила, схватила одну и затрясла ею перед его носом.

ОНА. Вместо того, чтобы делать работу, и постараться, как следует, обеспечить семью, ты резал, резал, резал! Ты всю лоджию засыпал стружками, а я за тобой мела, мела, мела! Господи, сколько же ты создал этих творений, сколько ты их раздарил! Вот он, итог твоей жизни!

И она снова потрясла фигуркой перед его носом.

ОН. Поставь на место.

Но она швырнула фигурку на стол, и та проехала по гладкой поверхности и застряла между какой-то книгой и бронзовыми часами. Больше они не говорили. Она сдернула с кресла сумочку, не глядя, прошла мимо него к двери. Он поднялся и отправился следом. Дверь за ними закрылась.

Я осмелился перевести дух. Потом шагнул к столу, сообразив задним числом, что могу двигаться, словно меня расколдовали, а в голове, будто лампочка зажглась! Елки-палки, я вспомнил формулировку! Не помню, как, сел на место и трясущейся рукой быстро записал теорему Бине-Коши.

Странно, только что свершившееся чудо сразу стало казаться далеким, и будто бы произошедшим не со мной, а с кем-то другим. Сейчас я должен был думать о главном, о предстоящем зачете. Видно, и вправду – своя рубашка ближе к телу.

Евгений Михайлович не заставил себя ждать. Он вошел в кабинет, словно бы ничего до этого момента из ряда вон выходящего не происходило. А, может, и не было ничего?

– Готовы отвечать? – спросил он.

Я сказал "да", он сел за стол напротив меня, придвинул к себе лист с моим решением, стал читать и кивать головой. Потом отодвинул лист и начал гонять по всему курсу. Я пу-тался, сбивался, заикался. Иной раз казалось – все, тону, но своевременно выплывал, не успев захлебнуться. Наконец, он удовлетворился и придвинул к себе зачетку.

– Я поставлю вам зачет, вы, я вижу, готовились и конспект вели аккуратно. Однако знания ваши нетвердые, не устоявшие. Впереди вас ждет экзамен. Постарайтесь к следующей сессии придти, как следует подготовленным. А сейчас можете быть свободным.

Я встал, и сразу увидел деревянную фигурку, застрявшую между книгой и бронзовыми часами. Сам не знаю, как это у меня получилось, но я робко протянул палец и тихо спросил:

– Евгений Михайлович, а можно посмотреть?

Он проследил взглядом за моей рукой, потом пожал плечами.

– Пожалуйста, посмотрите, – в глазах его было легкое недоумение.

Я взял фигурку в руки. Она была теплая, гладкая, и не покрыта лаком, а именно отполирована. Дерево казалось прозрачным, светящимся изнутри, видна была каждая прожилка. Лицо человечка было искусно вырезано, и вообще вся работа выполнена мастерски, но художественная сторона в тот момент меня почти не тронула. Я держал в руке единственное свидетельство недавно произошедшей сцены, я прекрасно помнил пренебрежительный жест бывшей жены Фантомаса и то, как она бросила деревянного человечка на стол. Я даже повертел его в руке и поискал глазами, нет ли где царапины. Нет, не было, фигурка не пострадала.

Я бережно положил ее на стол, поблагодарил, направился к двери, Фантомас поднялся, опередил меня, толкнул ее, открывая, и крикнул в коридор:

– Мама, проводи молодого человека!

Кивнул мне на прощание и скрылся в кабинете. Неслышно возникла возле меня старушка, неслышно шепнула:

– Что? Что?

Я кивнул головой.

– Сдал.

– И хорошо, и хорошо, и славно. Учись, сынок. Евгений Михайлович он зла вашему брату не желает. Сколько тут таких, как ты, перебивало, а все в люди вышли. На вот, возьми.

И она сунула мне целлофановый пакет с пирожками. Я стал отказываться, говорить "не надо, не надо", но она замахала одной рукой, а другой стала подталкивать меня к двери.

– Иди, иди, будешь мне тут указывать, что надо и чего не надо.

Я простился со старушкой и оказался за дверью".

На этом я закончил свою рукопись. Что с нею будет дальше – не знаю. Уничтожить жалко, а оставить тоже нельзя, – все-таки общага, мало ли кто может найти, прочитать. Но поставив последнюю точку, я освободился. Уже не так мучительно, как это было на протяжении нескольких дней, терзает меня вопрос: было это на самом деле, или только приснилось.

Но черт меня побери со всеми потрохами, – деревянного человечка-то я держал в руках! Одно знаю точно: впредь,

никогда, ни при каких обстоятельствах, даже если весной на экзамене он мне залепит "неуд", я не назову Евгения Михайловича Кудрявцева Фантомасом.

История, рассказанная одним африканцем

«Никогда, никогда не гляди в зеркало во время похорон! Слышишь! Если ты взглянешь туда в тот момент, когда покойника опускают в землю, то увидишь, как душа его поднимается к небу, и тогда... Тогда сам ты умрешь ровно девять дней спустя!»

Моя старшая сестра поведала мне эту примету из самых лучших побуждений, и я с благодарностью и неукоснительно следую ее советам (что, наверное, и вы бы сделали на моем месте). Так что, пока я точно не уверюсь, что никого на белом свете не хоронят, к зеркалу меня силой не подтащишь. Зато когда я спокоен, то уж гляжусь в него сколько моей душе угодно: надо же до конца использовать такую редкую возможность!

Впрочем, мне кажется, что, бреясь в ванной комнате ровно в семь утра, я не очень рискую увидеть, как чья-то душа поднимается к небу.

Однажды я приболел конъюнктивитом и, плохо различая цифры на часах, побрился вместо семи в восемь. Заметив роковую ошибку, я с ужасом принялся считать дни. И вот на исходе восьмого дня меня свалила лихорадка. Дело дошло до

больницы. Вы не представляете, насколько нелепо чувствуешь себя перед окружающими, когда знаешь, что завтра тебе конец, а ты, как говорится, ни сном ни духом... Просто хоть специально чем-нибудь заболевай. Вот я и заболел тифом. Да еще каким! Пришлось проваляться в постели больше месяца.

Почему же все-таки я не умер через девять дней после этой истории с конъюнктивитом? Может быть, нигде никого не хоронили? Не думаю. Восемь часов утра – идеальное время для похорон. Или, может быть, все-таки было не восемь, а семь часов? Даю голову на отсечение, что нет. Тогда каким образом я уцелел? Не потому же, в самом деле, что в больнице меня хорошо лечили?! Вернее будет сказать, что колдун, который должен был завладеть на девятый день моей душой, просто-напросто пожалел меня. Вот почему я жив, здоров и пишу. Только прошу вас, не думайте, что я тешу вас баснями. Впрочем, вы этого, конечно, не думаете и уважаете чужую веру. Вера в колдовские чары ничуть не хуже любой другой, если учесть, что люди способны верить во что угодно.

Несколько лет назад я имел счастье жить в соседстве с колдуном. Его звали Мбете, и у него было четыре глаза. Два из них выглядели обыкновенными человеческими глазами, а два других были скрыты и предназначались исключительно для тайного колдовского мира. Этими невидимыми глазами Мбете мог читать прошлое и будущее любого из нас.

Живя по соседству с Мбете, мы могли совершенно ничего не бояться. Он знал не только все, что с нами должно случиться, но и все, что надо было сделать, чтобы с нами этого не случилось. Моя тетьа часто обращалась к нему, и постепенно он стал чем-то вроде нашего семейного врача. Я был этому очень рад, прекрасно понимая, что если бы не Мбете, то меня постоянно пичкали бы хиной и антибиотиками из страха перед болезнями, которых теперь не приходилось опасаться.

В таком взгляде на вещи, по-моему, нет ничего странного. Дед мой дожил до глубокой старости (чем очень гордилась вся наша родня) – когда он умер, ему было целых пятьдесят лет! И ни разу за всю жизнь он не проглотил ни одной таблетки; его тоже пользовал какой-то колдун вроде Мбете. Остается только пожалеть, что вещей старец не предупредил деда о приближающейся смерти, иначе дед, конечно, заплатил бы ему сколько надо за продление жизни и был бы спасен.

Когда дома у Мбете было нечего есть, он шел к моей тете и рассказывал ей, что видел во сне прошлой ночью. А видеть он мог, например, как поезд упал в пропасть, а пассажиры остались целы и невредимы. Разбившийся поезд с уцелевшими пассажирами, естественно, выглядел очень подозрительно и не предвещал ничего хорошего, тем более, что в его окне Мбете померещилась физиономия одного из членов нашей семьи, да еще как раз в тот роковой момент, когда несчастный поезд сорвался, сходя с рельсов.

Тетя страшно пугалась. Она вовсе не хотела, чтобы ради уцелевших пассажиров с нами случилось какое-нибудь несчастье. Положительно, самый тщательный осмотр был необходим и мне, и моей двоюродной сестре Киди, и самой тете с ее приемной дочкой Миндой.

«Осмотри нас всех хорошенько, Мбете, – умоляла тетя, – прошу тебя, осмотри нас лучше».

Мбете не заставлял себя уговаривать. Он кидался домой за своими колдовскими инструментами в полной и радостной уверенности, что без ужина он уже теперь не останется. Кому-кому, а ему дурные сны ничего плохого не предвещали!

Через несколько минут Мбете возвращался, таща с собой все необходимое: круглое зеркало, тщательно обернутое в белую материю, эмалированный тазик с водой (не простой водой, как уверял Мбете), красный перец, поваренную соль, большой белый камень и еще несколько предметов, которым трудно подобрать названия на французском языке. За Мбете его маленькая дочка несла деревянный стул – лишь сидя на нем, Мбете мог произвести нам «осмотр». Девочка ставила стул посреди комнаты и тут же бесшумно исчезала.

Окон в тетиной спальне не было, и круглый год в ней царил мрак. Мбете входил туда со свечкой и оставался какое-то время один. Потом он звал нас. Тетя заходила первая, мы тянулись гуськом за ней. Все было готово к сеансу: Мбете аккуратно раскладывал и расставлял принесенные им предметы.

Он предлагал нам сесть. Мы рассказывались – кто на небольшой тетиной кровати, а кто прямо на прохладном земляном полу.

С этого момента нам строго воспрещалось говорить, одна тетя могла задавать вопросы. И она уж на них не скупилась, страшно обеспокоенная тем, как бы Мбете случайно не переврал что-нибудь в своем колдовском ритуале: ведь речь шла о спасении наших жизней! (Сколько он ни колдуй, ей все казалось мало.)

Рассадив нас, Мбете шел притворить дверь и произнес несколько слов, совершенно непонятных и адресованных злым духам, которые упорно не желали понять, что в тетиной комнате делать им совершенно нечего. Выставив упрямец, Мбете подходил к нам. Он молча сверлил нас взглядом, и мы понимали, что он вселяет в нас какую-то таинственную силу. Теперь после предварительной подготовки можно было приступить к самому главному.

Из белого мешочка колдун сыпал на пол тонкий песок так, чтобы струйка образовала круг. В середину этого круга он ставил эмалированный тазик с водой (не из-под крана!).

«Аш... Аш... Аш...», – шипел Мбете, трижды скрестив руки над тазиком, а потом, опустившись перед ним на колени, обращался с молитвой непосредственно к своему духу-покровителю...

Надо сказать, что и в обычной жизни Мбете был существом двуликим. Как-то в один прекрасный день он, увле-

ченный примером многих своих соотечественников, решил перейти в христианскую веру. Ведь если ты крещен, в глазах белых ты уже не заблудшая овца и вполне достоин царства небесного, а следовательно, уважительного отношения и здесь, на земле. Но когда Мбете обратился к священнику с просьбой окрестить его, тот заявил, что крестить человека, связанного с нечистой силой, невозможно и если Мбете действительно хочет приобщиться к царствию небесному, то он должен раз и навсегда отказаться от колдовства. Долго не думая, Мбете согласился. Пастор горячо поздравил его, и с этого дня бывший колдун стал посещать уроки катехизиса вместе с толпой мальчишек, которые годились ему во внуки. Вскоре Мбете принял крещение и очистил свою душу от скверны, в том числе и от колдовства.

Но дьявол не дремал. Как известно, он изобрел голод, именно чтобы досаждал честным богобоязненным людям. Напустил он его и на Мбете. А ведь единственным ремеслом, известным Мбете, было колдовство. Чем же было заняться? Искать работу? Просить милостыню? Положение осложнялось еще одним обстоятельством. Если верить рассказам покойного деда Мбете, то бывший колдун происходил по прямой линии от тех древних людей, которые первыми увидели на своей земле белых или, как их тогда называли, красноухих пришельцев. И при таком происхождении прикажете бегать искать поденную работу или кланяться милостыню? Потому-то Мбете, когда ему уже совсем подвело живот, и

решил взять назад обещание, которое дал священнику. Нет, слишком недальновидно с его стороны было посылать дьявола ко всем чертям!

...Итак, мы сидим со свечой в закрытой комнате, а Мбете шипит и трижды скрещивает руки над тазиком с водой (не из-под крана!). Потом он выкрикивает несколько непонятных слов, очевидно ругательства в адрес людей, желающих нам зла, берет белый камень и погружает его в воду очень осторожно, так, чтобы расходящиеся по воде круги можно было пересчитать. Он считает их: раз, два, три... девять! Тут он дует на свечу, и мы оказываемся в полной темноте (это середь бела дня!). Проходит минута, другая. Тишина.

Потом Мбете испускает что-то вроде рычания, странно похожего на храп. Неужели он преспокойно заснул, забыв о нас?! Да нет, невозможно. Если о нас он, допустим, мог забыть, то об ужине – вряд ли!

Тем временем мы привыкали к темноте и постепенно начинали различать силуэт Мбете. Я совершенно не сердился на него за то, что он погасил свечку: в конце концов, она его собственность, да и вообще колдовать полагается в темноте.

Тем временем Мбете освобождал зеркало от белой материи и принимался в него глядеть. Правда, в такой темноте разглядеть там можно было немного, но я знал, что это не просто зеркало, а окно в таинственный мир, через которое Мбете видел наше будущее.

«Вижу толстяка, – объявлял он, – этот толстяк живет ря-

дом с вами и терпеть вас не может. Он разжигает костер большой-большой и собирается на нем что-то сжечь...»

«Не что-то, а кого-то!..» – взвизгивала тетя. Она догадалась, о каком толстяке идет речь. Его звали Елимби. Он жил в нашем квартале, его дом был метрах в двухстах от нашего. По общему признанию, у Елимби не только дурной глаз, но и злое сердце. Если в нашем квартале случалось убийство, подозрение сразу же падало на него.

Когда я встречал Елимби на улице, меня охватывал страх, а он, как нарочно, всякий раз норовил со мной заговорить, да еще самым ласковым и мягким голосом. Представьте только, человек, который по самым точным сведениям продал черту души своей матери, отца, трех братьев и сестры, вдруг начинает с вами любезничать. Зачем это ему надо? Да разумеется, чтобы продать черту и вашу душу, если резервы родственников будут израсходованы.

Вызывал подозрение и толстый живот Елимби. Говорили, что он так раздулся из-за множества проглоченных Елимби талисманов. В общем, я никому не пожелал бы такого соседа.

Конечно же, стоило Мбете увидеть в магическом зеркале толстяка, мы сразу поняли, что это Елимби. Хуже всего был большой костер, на котором Елимби собирался что-то жечь. Нетрудно было представить состояние моей тети!

«Наверное, он хочет сжечь кого-нибудь из нас!» – стонала она.

«Подожди, Наки, подожди, – бормочет Мбете, – дай мне

хорошенько разглядеть, в чем там дело... Подожди... Вот толстяк вошел в дом... Сейчас он вытащит оттуда свою добычу... Не беспокойся, если он и в самом деле захочет сжечь кого-нибудь из вас, не так-то просто ему будет это сделать...»

Едва различая друг друга в темной комнате, мы сидели и ждали, замирая от страха. Меня трясло как в лихорадке: я ни секунды не сомневался, что из всей нашей семьи Елиμβи выберет для костра именно меня. Иначе быть не могло, недаром же последнее время он так часто встречался мне на улице!

«...Однако он не слишком торопится выходить из дома с добычей. В чем же дело? Ага, выходит наконец! – кричит Мбете. – Но что я вижу... он борется с кем-то! До чего же он силен, этот колдун... Так и мешает мне смотреть, так и мешает! Скорей, скорей, Наки, дай мне кусок белой материи, я протру зеркало: может, лучше будет видно... Только сама-то держись подальше, как бы чего не вышло!»

Тетя передает Мбете тряпку и отскакивает назад. Она совсем растерялась. Ее страх перерастает в ужас.

Мбете протирает зеркало и испускает дикий вопль:

«О-о-о-о-о! Наконец-то разглядел... Да что же это такое, Наки? Чем ты ему так насолила?»

«Как?! Значит, он хочет сжечь... меня?» – вопит тетя.

«Тебя, тебя, это уж точно. Он уже потащил тебя к костру...»

«Детки мои, – стонет тетя, – что же теперь со мной будет? На кого я вас оставляю?»

«Ма-а-а», – хнычет маленькая Минда.

Мы вторим ей дружным хором. Да и как не плакать, зная, что злой колдун хочет сжечь тетю на костре. Ведь даже если он не сделает этого, все равно – мы хорошо знаем – ровно через девять дней тетя должна будет умереть. Теперь только один Мбете может ей помочь.

«Нет, Наки, не отдам я тебя этому мерзавцу! Не могу отдать! Ты хорошая, добрая женщина, не заслужила ты такой смерти... Придется мне тебя защищать... Потерпи немного, сейчас я все приготовлю...»

А мы по-прежнему ревом. Ревом дружным хором.

Мбете рывком кидается к двери с явным намерением открыть... ах нет! чтобы закрыть ее еще плотнее. (Конечно, главное не пускать в комнату злых духов!) Вернувшись к нам, он быстро вытаскивает из мешочка травы и поджигает их. Пламя вспыхивает, ослепляет нас и гаснет. Теперь комната кажется еще темнее, и в ней сильно пахнет горелой травой.

Я изо всех сил таращу глаза, чтобы рассмотреть, как Мбете спасает тетю. А он взял табачный лист, свернул из него громадную сигару и закурил. Потом опять стал смотреть в зеркало. Что он там может видеть, кроме своей физиономии, освещенной огоньком сигары? Увы, на большее у меня не хватает воображения! Между тем Мбете свободной рукой

вычерчивает в воздухе какой-то рисунок: не то занавес, не то стену. Позднее он дал нам следующее объяснение: в магическом зеркале он видел, как Елимби снова скрылся в хижине, оставив свою жертву у костра. Тогда Мбете, пользуясь отсутствием злого колдуна, решил отгородить от него жертву глухой стеной. Эту стену он и рисовал в воздухе.

Сообразительность Мбете в какой-то мере нас успокаивает. Однако наивно думать, что такого могучего колдуна, как Елимби, можно одолеть с первого раза, и мы это понимаем.

«Ой, он возвращается, – снова вопит Мбете, – горе мне, горе! Он силится опрокинуть стену! Ну погоди же, сейчас я тебе покажу... Сейчас я тебе такое устрою... Заплачешь, да поздно будет... Только вот горе... Один-то я не справлюсь... Наки, ты должна мне помочь!»

«Что я должна делать, Мбете?» – лепечет тетя.

«Для начала дай мне... Ой-ой-ой, как бы он меня не увидел! Негодяй! Того и гляди повалит стену... Вот-вот повалит!»

«Не оставляй меня, Мбете! Не оставляй! Я сделаю все, что надо!» – стонет тетя.

«Что ты, как я могу тебя оставить? Быстро неси пятьдесят франков и сунь их под тазик с водой! Вот так. А теперь обрызгай водой лицо. И вы тоже, ребятки, ополосните-ка мордашки. Подвигайтесь поближе!» (Поближе к Мбете или к бумажке в пятьдесят франков?)

Мы покорно пододвигаемся и «ополаскиваем мордашки»,

а Мбете по-прежнему рисует в воздухе и глядит в зеркало.

«Все пропало, он увидел меня! – вдруг кричит Мбете. – Так узнайте же его имя!.. Это...»

«Елимби!» – стонет тетя.

«Теперь мне остается одно: запугать его. Только так я смогу освободить тебя, Наки! Слушай, быстро неси еще пятьдесят франков и клади их под таз. Скорее, скорее, а то будет поздно! Все зависит от тебя!»

Тетя засовывает пятьдесят франков под тазик и обрызгивает водой лицо. Мы снова пододвигаемся и снова «ополаскиваем мордашки».

(Пятьдесят да пятьдесят – сто?..)

Но борьба со злобным Елимби далеко не закончена.

«Оставь эту женщину, Елимби! Добром прошу, оставь! – вопит наш спаситель. – Что она тебе сделала? Лучше ее на свете не найти, а ты хочешь продать ее душу черту?!»

Время от времени Мбете замолкает, чтобы выслушать ответы злобного Елимби, которые тот дает ему из зеркала. Так они препираются долго. Наконец оба могучих волшебника сходятся на том, что тете будет дарована жизнь в обмен на триста пятьдесят франков. Вышеозначенную сумму подсовывают под тазик с водой (не из-под крана!), и мир заключен. Мбете торжественно объявляет о тетином спасении. Тетя облегченно переводит дух. Мы тоже.

Но это не все. Опасность, оказывается, миновала тетю лишь временно и для того, чтобы мы спокойно могли просу-

ществовать месяц-другой, а Мбете успел изготовить колдовское снадобье. А для этого снадобья в свою очередь необходим белый петух с правой лапой, обернутой в стофранковый билет. Через три дня петух должен быть в распоряжении Мбете.

Теперь, кажется, все.

Мбете собирает свое имущество (в том числе и семь бумажек по пятьдесят франков каждая) и уходит домой. А мы снова встречаем нашего милого, на целых два часа потерянного друга – солнце.

Так что если я до сих пор жив и здоров, то, конечно, только благодаря заботам Мбете.